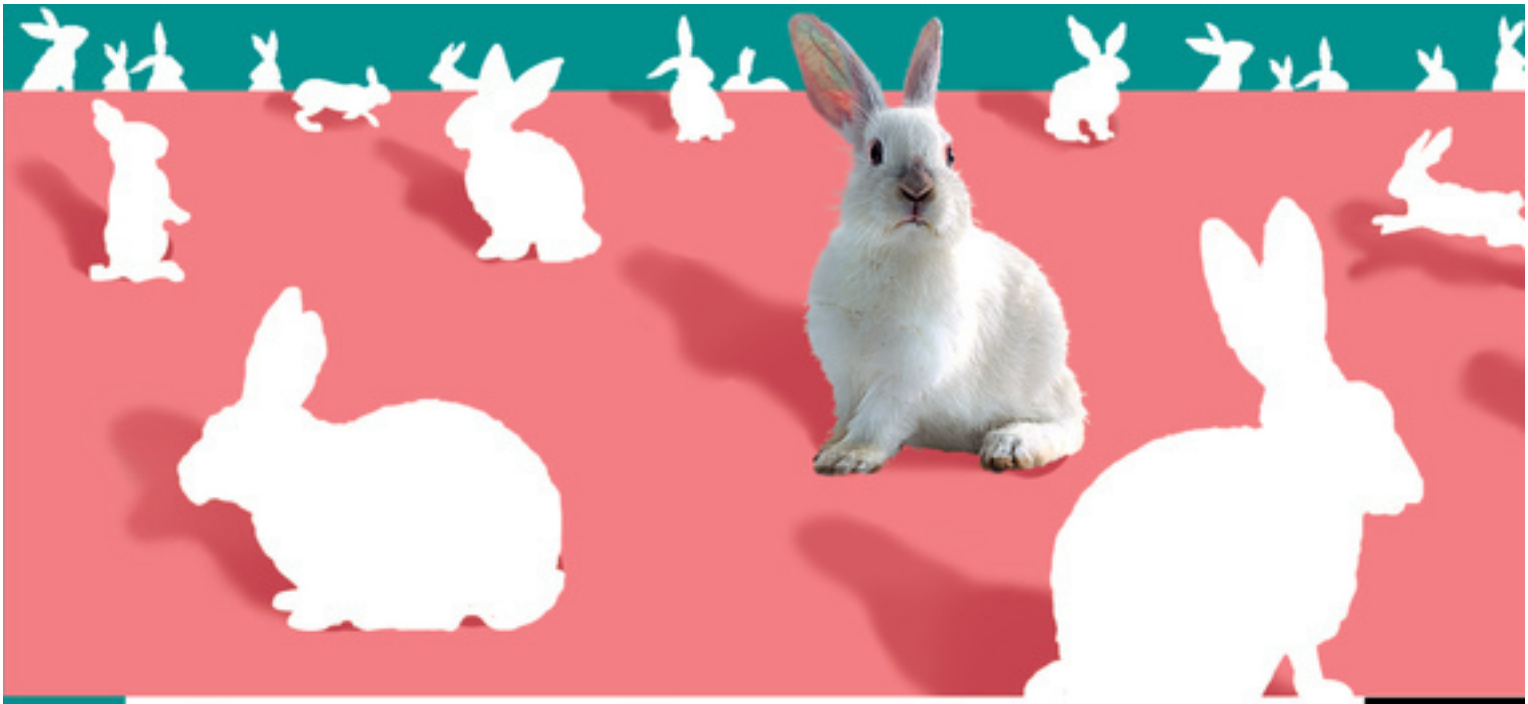

Джонатан Троппер

Как общаться с вдовцом

[roman]

CORPUS

От автора бестселлера
“Дальше живите сами”

Джонатан Троппер

Как общаться с вдовцом

«Corpus (АСТ)»

2012

Троппер Д.

Как общаться с вдовцом / Д. Троппер — «Corpus (АСТ)», 2012

ISBN 978-5-17-077579-8

Джонатан Троппер умеет рассказать о грустном искренне, но не сентиментально, с юмором, но без издевки. Роман “Как общаться с вдовцом” – история молодого человека, который переживает смерть погибшей в авиакатастрофе жены, воспитывает ее сына-подростка, помогает беременной сестре, мирится с женихом другой сестры, пытается привыкнуть к тому, что отец впал в старческий маразм, а еще понимает, что настала пора ему самому выбраться из скорлупы скорби и начать новую жизнь – и эта задача оказывается самой трудной. На этом пути его ждут и ошибки, и сложности, и откровения.

ISBN 978-5-17-077579-8

© Троппер Д., 2012
© Corpus (АСТ), 2012

Содержание

Благодарности 6
Глава 1 7
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 17
Глава 5 19
Глава 6 24
Глава 7 30
Глава 8 33
Глава 9 38
Глава 10 44
Глава 11 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Джонатан Троппер
Как общаться с вдовцом

© Jonathan Tropper, 2007
© Ю. Полещук, перевод на русский язык, 2012
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2012
© ООО “Издательство Астрель”, 2012 Издательство CORPUS ®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Алексе Роуз – той, что коротает со мной часы до рассвета
С любовью

Благодарности

Сочинительство – ремесло одиночек, поэтому я хочу поблагодарить всех, кто так или иначе составлял мне компанию.

Разумеется, Лиззи – за то, что она для меня значит, и за все, что она для меня делает; Спенсера и Эмму, моих любимых сорванцов; родителей – за постоянную поддержку… Саймона Липскара, который работает со мной и помогает мне зарабатывать, и всех добрых людей из литературного агентства *Writers House*… Кэсси Ивашевски, моего ангела-хранителя в городе падших ангелов, и всех сотрудников компании *Brillstein-Grey*… Неугомонного и неудержимого Фила Раскинда и всех его соратников из *Endeavor*… Проницательную и щедрую на похвалы Даниель Перес, Ниту Таублиб, Эрвина Эпплбаума, Патрисию Баллантайн и всех сотрудников издательства *Bantam Dell*… Уэнди, Марка и Тоби… Сару и Джона… Значительная часть этой книги была написана в библиотеке Манхэттенвильского колледжа, поэтому огромное спасибо Джеффу Бенсу за то, что он предоставил мне такое сказочное место, где я мог писать и преподавать… Также хочу поблагодарить Марка Моллера за то, что он нашел время поделиться со мной бесценным опытом… Доктора Хэла Клестцика и доктора Эйба Шрайбера за то, что помогли соблюсти точность во всем, что касается медицинских подробностей… Майю Николич и Мэтта Каселли за то, что книга вышла за границей… Джона Вуда, Женевьеву Пегг, Тимоти Сондерхаскена, Мартину Кёлемайер, Елизавету Мильявада… Давида Адельсберга из *Softsphinx* за дизайн моего сайта… Моих друзей и родных из Коды… Спасибо всем клубам книголюбов, приглашавшим меня на встречи, и читателям, которые все эти годы присылали мне письма. Надеюсь, этот роман вам тоже понравится.

При работе над этой книгой ни одно животное не пострадало.

Глава 1

Расс крепко под кайфом. Это видно по белкам его глаз: в неверном желтом свете фонаря кажется, что они подернуты красной пеленой. Это заметно по его черным расширенным зрачкам, полуприкрытым тяжелыми веками, по тому, как небрежно Расс навалился на раздраженного копа, подпирающего мальчишку плечом, словно они собутыльники, которые, пошатываясь, выбрались на ночную улицу из очередного кабака. Перевалило за полночь, и когда в дверь позвонили, я, как всегда пьяный вдрызг, дремал на диване, мучительно пытаясь выбросить из головы воспоминания – выхватить, не глядя, чиркать, как спичками, то одним, то другим и сонно себя поджечь.

– Что случилось? – интересуюсь я.

– Он сцепился с другими ребятами в “Сэвен-Илевен”[1], – отвечает коп, придерживая Расса за плечо.

Я замечаю ссадины и синяки на лице Расса и красную серповидную царапину на горле. Его черная футболка безнадежно растянута и порвана на шее, из уха вырвали серьгу, и оно кровоточит.

– Ты в порядке? – спрашиваю я Расса.

– Пошел ты к черту, Дуг.

Мы виделись не так давно, и с тех пор у него на лице появилась растительность – клочок коротких жестких волос под нижней губой.

– Так вы ему не отец? – спрашивает коп.

– Не отец.

Я тру кулаками глаза, пытаясь собраться с мыслями. Виски пропел мне прощальную колыбельную, и в разлетевшейся на осколки тишине кажется, что все это происходит словно под водой.

– Он сказал, что вы его отец.

– Он, типа, отказался от меня, – с горечью произносит Расс.

– Я его отчим, – поясняю я. – Точнее, был…

– Был… – коп выговаривает это так, словно попробовал тухлой тайской еды, и сверлит меня взглядом. Он высокий и крупный – а иначе ему и не удалось бы удержать плотного и широкоплечего Расса, который к тому же к своим шестнадцати годам вымахал под два метра. – Выглядите молодо – как его брат.

– Я был женат на его матери, – признаюсь я.

– И где она?

– Ее нет.

– Он имеет в виду, что она умерла, – презрительно поясняет Расс. Поднимает ладонь и опускает самолетиком по наклонной, при этом Расс свистит, а потом шипит сквозь зубы, имитируя взрыв. – Ба-бах!

– Заткнись, Расс.

– А ты заставь меня, Дуг.

Толстые пальцы полицейского крепче сжимают руку Расса.

– Спокойно, сынок.

– Я вам не сынок, – огрызается Расс, тщетно пытаясь вырваться из железных рук копа. – Я никому не сынок.

---

[1] Круглосуточные магазины сети *Seven-Eleven* называются так, потому что раньше работали с 7 до 23 часов. – *Здесь и далее прим. пер.*

Коп легонько прижимает его к дверному косяку, чтобы Расс не размахивал руками, и поворачивается ко мне.

– А его отец?

– Не знаю, – я оборачиваюсь к Рассу. – Где Джим?

Расс пожимает плечами.

– Уехал во Флориду на несколько дней.

– А Энджи?

– С ним.

– Тебя оставили одного?

– Всего на две ночи. Они завтра возвращаются.

– Энджи? – спрашивает коп.

– Жена его отца.

Полицейский выглядит раздраженным, словно у него от нас уже голова раскалывается. Я хочу все ему объяснить, доказать, что все не так хреново, как кажется, но вспоминаю, что это неправда.

– Так парень здесь не живет?

– Жил раньше, – отвечаю я. – Это дом его матери.

– Послушайте, – устало произносит коп. Он мужчина средних лет, с седеющей гусеницей усов и утомленными глазами. – Что бы он там ни курил, у него я ничего не нашел. Моя смена вот-вот кончится, и мне совсем не хочется тратить еще час, оформлять парня за глупую драку на стоянке. У меня самого трое сыновей. Сейчас-то он храбрится, крутого из себя корчит, но в патрульной машине плакал и просил отвезти его сюда. Так-то. Я могу забрать парня в участок и записать на него пару-другую правонарушений. Или же вы впустите его в дом и пообещаете мне, что больше это не повторится.

Расс угрюмо таращится на меня, словно это я во всем виноват.

– Больше это не повторится, – обещаю я.

– Вот и ладно.

Коп отпускает Расса, который резко отдергивает руку, бросается в дом и взбегает по лестнице в свою комнату, посмотрев на меня с нескрываемой ненавистью, пронзившей жирный бок моего пьяного ступора, словно гарпун.

– Спасибо вам, констебль, – благодарю я копа. – Он вообще-то хороший парень. Просто у него выдался трудный год.

– Так-то оно так, – произносит коп и задумчиво трет подбородок. – Но он уже не в первый раз попадается.

– За что?

Коп пожимает плечами.

– Да как обычно. В основном за драку. Ну, мелкое хулиганство. Да и с травкой он явно знаком не понаслышке. Бедолага пошел по дурной дорожке. Я не знаю всю вашу подноготную, но кто-то должен повлиять на него, поговорить с ним и, может быть, отвести к психологу.

– Я скажу его отцу, – обещаю я.

– В следующий раз на парня будет заведено дело.

– Понимаю. Еще раз спасибо.

Напоследок офицер скептически смотрит на меня, и я вижу себя его глазами – растрепанного, неопрятного, небритого, полупьяного, опухшего. Его скептицизм можно понять.

– Примите мои соболезнования. Гибель вашей жены – это большое горе, – говорит он.

– Да, – отвечаю я, закрывая за ним дверь. – Это большое горе для всех нас.

Наверху Расс забрался под одеяло в темноте комнаты, где когда-то жил. Здесь все осталось таким же, как при нем: ни в этой, ни в других комнатах за год, что прошел со смерти

Хейли, я ничего не трогал. Дом похож на стоп-кадр из прошлой жизни, сделанный за секунду до того, как все пошло прахом. Я стою в коридоре, в спину мне бьет свет, моя тень падает на складки и изгибы одеяла Расса, а я пытаюсь придумать, что сказать этому странному, сердитому парню, к которому вроде как должен испытывать родственные чувства.

– Я слышу, как ты дышишь, – говорит Расс, не отрывая лица от подушки.

– Извини, – отвечаю я и вхожу в комнату. – Так из-за чего ты подрался?

– Ни из-за чего. Эти уроды просто начали залупаться.

– Они из твоей школы?

– Нет, парни были взрослые.

– Думаю, под кайфом драться трудновато.

– Ага.

Он переворачивается на спину, поднимает голову и ухмыляется.

– Ты что, всерьез полагаешь, что обязан прочитать мне лекцию о вреде наркотиков, капитан Джек[2]?

Я вздыхаю.

– Вот и я так не думаю, – произносит Расс, перекатывается обратно на подушку и ложится лицом на руки. – Послушай, у меня была чертовски долгая и трудная ночь, поэтому, если ты не против…

– Я тоже ее потерял, Расс, – говорю я.

До меня доносится странный звук – непонятно, то ли Расс насмешливо фыркнул, то ли глухо всхлипнул.

– Закрой дверь с той стороны, – шепчет он.

Ты не знаешь, когда тебе суждено умереть, но, быть может, какая-то часть тебя на клеточном уровне осознает, что пошел обратный отсчет, и строит планы, потому что в последнюю свою ночь Хейли облачилась в кроваво-красное обтягивающее платье с глубоким декольте, чем несказанно меня удивила. Она как будто знала, что должно случиться, понимала, что это наша с ней последняя ночь, и была полна решимости не превратиться в блеклое воспоминание.

Я не мог оторвать от нее глаз, взгляд дольше обычного задерживался на знакомых изгибах и очертаниях ее тела, все еще стройного и сильного, несмотря на рождение ребенка и почти сорок прожитых лет. Я разглядывал мягкие ямочки над обнаженными ключицами, ее шелковистую белую кожу и хотел Хейли так, как редко хочешь женщину, с которой спишь вот уже три года. Я поймал себя на том, что обдумываю, как нам лучше улизнуть из-за стола и побыстрому перепихнуться в туалете. Представил себе, как мы с Хейли хихикаем над собственной смелостью в перерыве между жадными поцелуями в тесной кабинке. Я прижимаю Хейли к стене, задрав до талии подол ее красного платья; она обвивает меня стройными голыми ногами, и я вхожу в нее. Вот что бывает, когда долго живешь один и смотришь фильмы по лучшим кабельным каналам.

От этих фантазий я ощутил некоторое неудобство в скрытой под столом части тела, но, даже несмотря на это, знал, что ничего не получится. Во-первых, нам обоим никак не удалось бы незаметно улизнуть. Во-вторых, мне было двадцать восемь, Хейли – почти сорок, и хотя мне нравилось думать, что в нашей сексуальной жизни все хорошо – ну, почти наверняка, – перепих в общественных туалетах все-таки уже вышел из нашего репертуара. Впрочем, он никогда в него и не входил, потому как я боюсь подцепить какую-нибудь гадость и вряд ли смогу кончить, зная, что вокруг кишмя кишат бактерии.

---

[2] *Капитан Джек* – популярный герой комиксов и фильмов; кроме того, это сленговое название виски “Джек Дэниелс”, а также героина.

По дороге домой моя рука скользила по гладкой кремовой коже обнаженного бедра Хейли, забираясь все выше и выше, и когда мы заехали в гараж, Хейли уже вовсю орудовала у меня в трусах. В темноте я задрал ей платье, наклонил ее на капот, еще горячий и слегка вибрирующий, и вскоре мы тоже распалились и задрожали. Мы снова выглядели подростками – разве что теперь все умели, да и машина была наша.

Должно быть, мы светились, словно за нами тянулся шлейф волшебной пыльцы: когда мы спустя некоторое время вошли в дом, Расс остановил видеоигру, насмешливо посмотрел на нас, покачал головой и посоветовал снять комнату.

– Незачем, – ответила Хейли, схватила меня за руку и потащила по ступенькам наверх. – Комната у нас есть.

– Какая пошлость! – скривился Расс. Объявив нам свой приговор, он вернулся к игре и продолжил равнодушно истреблять недобитков на экране. А мы с Хейли пошли наверх, чтобы нарушить заповеди Господни и законы штата Нью-Йорк, и с новыми силами принялись за дело. В страстном исступлении мы целовали, лизали, пили и пожирали друг друга. Словно это был наш последний день на земле.

Мы были женаты менее двух лет. Я переехал из Нью-Йорка к Хейли и Рассу. В этом особнячке, выстроенном в колониальном стиле, Хейли жила со своим первым мужем, Джимом, пока не обнаружила, что он ей изменяет, и не вышвырнула его. Я никак не мог привыкнуть к перемене – к тому, что я теперь не развеселый городской холостяк, но чей-то муж, обыватель из пригорода, отчим угрюмого подростка, самого младшего члена софтбольной команды “Храм Израилев”, привыкнуть к званым обедам, барбекю во дворе и школьным спектаклям. Я так и не успел освоиться, когда Хейли полетела в Калифорнию на встречу с клиентом и где-то над Колорадо пилот ухитрился промазать мимо неба. Иногда та наша новая жизнь, которая только-только начиналась, кажется призрачной мечтой, и мне снова и снова приходится убеждать себя, что все это было на самом деле. “*У меня была жена*, – повторяю я себе. – *Ее звали Хейли. Ее больше нет. Как и меня*”.

Но не будем об этом, потому что если я заговорю, то начну об этом думать, а за последний год я передумал все множество раз. Какой-то частью мозга я продолжаю размышлять о случившемся и о ней – целый научно-исследовательский отдел, который только и занимается поиском новых методов скорби, печали и жалости к себе. И уж поверьте, эти ребята не даром хлеб едят. Ну и пусть.

Глава 2

Практически каждый день на нашей лужайке резвятся кролики. Бурые зверьки с серыми пятнышками на спине и похожими на клочки ваты пучками белой шерсти на заднице. Или, точнее, почти каждое утро у *меня* на лужайке резвятся кролики. Потому что теперь нет *нас*, вот уже год как нет. Иногда я забываю об этом, что странно – ведь обычно я ни о чем другом не могу думать. Это мой дом. Моя лужайка. Мои, черт подери, кролики.

Наверное, кролики на лужайке – это прекрасно. Отличная реклама и неопровержимое доказательство того, что вы выбрались из городского смога на разреженный деревенский воздух захолустного Вестчестера. Неважно, что одних наших минивэнов и внедорожников хватит, чтобы растопить полярные льды. Что с того, что мы оборудуем свои величественные особняки, построенные восемьдесят лет назад, километрами оптоволоконного кабеля, которого хватило бы, чтобы задушить целую планету. Наплевать, что "Хоум Депо", "Уол-Марты", "Стоп & Шопы" и многочисленные торговые центры растут как грибы на каждом лугу. Но у нас на лужайках, черт подери, резвятся кролики, как в диснеевском мультфильме, поэтому дело закрыто. Мы живем в гармонии с природой.

Нью-Рэдфорд в точности таков, каким и должен быть пригород, где обитает верхушка среднего класса. Здесь все так же, как описано во множестве романов и показано во множестве фильмов. Исторические кирпичные особняки 1930-х годов, построенные в колониальном и позднеготическом стиле, – пристанища быстро растущих семейств и распадающихся браков; немецкие автомобили класса "люкс", припаркованные на дорожках у дома, словно на рекламном объявлении в журнале; на стоянках со скучающим выражением на лицах кучкуются дети в одежде тусклых цветов от "Аберкромби & Фитч"; по утрам пассажиры набиваются, словно скот, в вагоны пригородных поездов "Метро-Норт" до Манхэттена; пейзаж испещрен минивэнами; в глазах рябит от кризиса среднего возраста. По утрам в каждом квартале появляются толпы иммигрантов на скрипучих пикапах с деревянными стенками, которые скрывают от посторонних взглядов лежбища владельцев. Иммигранты стригут лужайки, выращивают цветы, ухаживают за высокими живыми изгородями.

Несомненно, именно эти роскошные газоны повинны в том, что популяция кроликов растет. Время от времени я замечаю, как очередной зверек появляется из-за изгороди и стремглав проносится по лужайке. Обычно же кролики сидят посреди двора, неподвижные, словно статуи; их маленькие ноздри едва заметно подрагивают, как будто зверьки подключены к проходящей под лужайкой сети слабого тока. Самое время запустить в них чем-нибудь.

Багз, Тампер, Роджер, Питер, Вельветовый Кролик. Я назвал их в честь кроликов мультиков и сказок и изо всех сил пытаюсь размозжить им головы: они напоминают мне о том, что я нахожусь на необитаемом острове жизни, вести которую никогда не планировал. Я злюсь на Хейли, потом огорчаюсь, что разозлился на нее, потом злюсь на свою грусть, и в конце концов моя жалость к себе, не в силах упустить такой случай, включается, словно газотурбинный двигатель, и так до бесконечности – безнадежный цикл стирки, в котором полощется мое грязное белье, не становясь чище. Так что я бросаю в кроликов чем ни попадя. В основном камешками – на крыльце у меня хранится целый запас, похожий на надгробие на могиле ковбоя в пустыне, – хотя в крайнем случае я швыряю в них тем, что найдется под рукой, будь то банка пива или какой-нибудь садовый инструмент. Как-то я запустил в них бутылкой из-под "Бушмилса": она воткнулась горлышком в траву и простояла так несколько дней, словно саженец дерева виски.

Да ладно вам. Я пока что ни разу не попал ни в одну из этих мелких тварей. И им это прекрасно известно: когда мои снаряды падают на лужайку в метре перед ними или позади них, кролики даже не шелохнутся. Они ухом не ведут – только пялятся на меня, дразнят меня,

смеются надо мной, и в их кроличьих глазах-бусинках читается неодобрение. *И это все, на что ты способен? Ну, чувак, моя бабушка бросает сильнее.*

Кролик-“энерджайзер” из рекламы батареек, Кролик из “Плейбоя”, Пасхальный Кролик, Харви, Кролик по кличке “Глупые-Фокусы-с-Кроликом-для-Детей”, Белый-Кролик-с-Карманными-Часами из “Алисы в Стране Чудес”. Я сижу на крыльце с камнем в руке и целюсь в кролика, который скачет по подъездной дорожке, и тут звонит мобильник. Это мама. Она хочет уточнить, приду ли я на семейный ужин в честь грядущей свадьбы моей младшей сестры Дебби.

– Ты придешь на ужин, – заявляет мама.

Ничто в мире не заставит меня прийти на этот чертов ужин.

– Не знаю, – отвечаю я.

Кролик нерешительно прыгает ко мне. Харви. Я прицеливаюсь и швыряю в него камень, который пролетает выше, чем нужно, и мимо цели, Харви даже не удостаивает его взглядом.

– А что тут знать? Разве ты чем-то занят?

– Мне не очень хочется праздновать.

Дебби выходит замуж за Майка Сендлмена, моего бывшего друга. Ей посчастливилось встретить его у меня дома, когда я сидел шиву[3], хотя и не собирался этого делать. Я никогда не был религиозен. Бен Смилченски, который учился со мной в школе иврита “Бет-Тора”, приносил на уроки комиксы про Бэтмена; мы прятали их между страницами своих азбук “Алеф-Бет”, и во многом для меня это стало началом конца. Нелепо было бы ударяться в религию именно сейчас, когда Господь наконец-то раскрыл карты и доказал, что на самом деле Его не существует. Я знаю это. Я был там, я стоял рядом с Рассом на кладбище и смотрел, словно с высоты нескольких тысяч метров, как гроб Хейли на двух ремнях опускают в могилу. И даже сверху я слышал, как он поскрипывает, задевая каменистые стенки свежей могилы, слышал глухой стук кремнистых комьев земли о сухое дуплистое дерево, когда стали закапывать гроб. Она была под землей. Моя Хейли лежала под землей, в зияющей ране могилы на кладбище “Эмуна”[4], расположенном за водохранилищем, почти в километре от бульвара Спрейн-Брук, куда мы частенько приезжали осенью полюбоваться разноцветными листьями. Хейли в шутку называла листву “блествой”, и это словечко вошло в наш семейный словарь. А теперь она лежала под землей, и я знал, что всегда буду мысленно называть листву “блествой”, и осенью мне всегда будет больно, и, возможно, мне стоит переехать на запад, куда-нибудь, где времена года сменяются не так резко.

Так что не говорите со мной о Боге.

Но Клэр, моя сестра-близнец, настаивала, что шива необходима для Расса, и что я могу не верить в Бога, но я верю в возмездие, и что с загробным миром шутки плохи, даже если после смерти ничего и нет. Поэтому мы сидели шиву. Как я и думал, вышло прескверно: торчишь целый день с Рассом, задница потеет от пластикового сиденья низких стульев, которые нам одолжило Еврейское похоронное общество, киваешь и морщишься от бесконечной процессии ротозеев, проходящих через нашу гостиную; восседающие на шатких стульях друзья, соседи и родственники неуклюже пытаются завязать разговор, а потом идут в столовую, чтобы стянуть что-нибудь со стола. Да, был накрыт стол: бейглы, копченая лососина, салаты, вареная семга, киш, клейкие венгерские ватрушки – все от друзей Хейли из “Храма Израилева”. Скорбь, как и все остальное, можно обслуживать.

А еще там была моя младшая сестра Дебби, для которой шива все равно что вечеринка в баре в Сохо. Она разоделась в пух и прах: на ней была короткая юбка, а лифчик так подпирал ее среднего размера груди, что они торчали над горизонтом V-образного выреза ее свитера,

---

[3] В иудаизме шива – семидневный траур по усопшему родственнику.

[4] Вера (*иврит*).

словно два восходящих солнца. Сиськи младшей сестры не самое интересное зрелище даже в лучшие времена, но было особенно мерзко глядеть на то, как она растопырила их во все стороны, словно выставила напоказ в моем пристанище скорби оружие в полной боеготовности. И так получилось, что они с моим приятелем Майком занялись сексом в кабинете, поэтому вы уж простите, что я не схожу с ума от радости за них. Если бы Хейли не умерла, они бы никогда не встретились. Их счастливое совместное будущее, свадьба, дети – все это следствие гибели Хейли, и хотя умом я понимаю, что Дебби и Майк не причастны к ее смерти, но все-таки они пожинают плоды. А на чужом несчастье счастья не построишь.

– Это не праздник, – говорит мать. – Это просто вечер в кругу семьи.

– Ага, – отвечаю я, не отрывая взгляда от Харви. – Этого мне тоже не очень хочется.

– Жестоко так говорить со своей матерью.

– Вот поэтому я сначала и сказал про праздник.

– Ха, – произносит мать. Она из тех людей, которые, вместо того чтобы смеяться, говорят “ха”, словно персонажи комикса.

– Если ты в состоянии хитрить, значит, в силах прийти на ужин.

Такова логика моей матушки.

– Не думаю.

Она вздыхает, и по тому, как она это делает, я представляю себе висящее над ее головой плохо пропечатавшееся слово “вздох” в пузыре, как в комиксах.

– Дуг, – произносит она. – Ты не можешь скорбеть вечно.

– Кто знает. Может, у меня и получится.

– Ох, Дуг. Прошел уже год. Тебе не кажется, что пора бы перестать?

– Ты права, мам. Прошел всего лишь год.

– Но ты совсем не выходишь из дома.

– Мне здесь нравится.

Людям вроде моей матери не объяснишь, что такое жалость к себе. Это либо есть, либо нет. У всех по-разному. Мать, например, пьет таблетки, такие маленькие желтенькие пилюльки, она перекладывает их в облезлый пузырек из-под эдвила[5] и всегда носит его с собой в сумке. Я не знаю, что это за таблетки, а мать ни за что не признается, потому что для нее лечение сродни инцесту – семейная тайна за семью печатями, которую нужно хранить любой ценой, чтобы не узнали соседи. Клэр прозвала эти пилюли “вилами”, потому что слог “эд” от частого употребления давным-давно стерся с этикетки. Бывало, мы с Клэр таскали “вилы” из маминой сумочки и запивали их вином, чтобы словить кайф. Если мать когда и замечала, что таблетки кончились, она никогда ничего не говорила. Отец сам выписывал рецепты (тогда он еще мог это делать), и у матери был неограниченный запас пилюль.

– С тобой невозможно разговаривать, когда ты так себя ведешь, – заявляет мать.

– И все-таки ты разговариваешь.

– Ты меня поймал. Что ж, суди меня.

– Согласен на запрет в судебном порядке.

– Ха-ха. На земле нет власти выше материнской любви.

– Как там папа?

– Слава богу, на редкость хорошо.

– Ну и прекрасно.

– Как поживает Расселл?

– У него все нормально. Я его не видел несколько дней.

Ни разу с тех пор, как копы привели его ко мне под кайфом, в крови и злого как черт.

– Бедный мальчик. Если хочешь, возьми его с собой.

---

[5] Одно из названий ибупрофена.

– Взять его с собой куда?
– На ужин. О чем мы, по-твоему, говорим?
– Я думал, мы забыли об этом.
– Это тебе давно пора кое о чем забыть.
– Ага. Вот так возьму и прямо сейчас обо всем позабуду. Пока, мам.
– Если ты не придешь, Дебби очень огорчится.
– Ну, я думаю, Дебби это как-нибудь переживет.
У матери хватает ума не трогать эту тему.
– Просто обещай мне, что подумаешь.
– Это было бы ложью.
– И с каких это пор ты разучился врать своей матери?
Я вздыхаю.
– Я подумаю.
– Это все, о чем я прошу, – врет она в ответ.

Мать еще что-то говорит, но я ее уже не слышу: я только что запустил своим мобильным в Харви, который наконец-то выскочил из-под огромного тенистого ясеня. Я промахиваюсь, и вместо кролика попадаю в дерево; от удара телефон рассыпается на мелкие кусочки, и обломки разлетаются по лужайке. Кролик смотрит на меня так, словно я последняя сволочь. А мать, наверное, до сих пор говорит, хотя ее никто не слышит.

Глава 3

Мать была против моей женитьбы на Хейли. А еще, когда мне было пять лет, она говорила, что через сиденье унитаза в общественном туалете можно заразиться неизлечимой венерической болезнью, что от выхлопа проезжающих мимо автобусов у меня почернеют легкие, если я не буду задерживать дыхание, что котлеты для гамбургеров делают из крысиного мяса. Поэтому к двадцати шести годам (именно столько мне было, когда я объявил матери, что женюсь на Хейли) я не очень-то доверял ее советам. – Безусловно, ты не можешь на ней жениться, – заявила мать за ужином. Ее тонкие брови выгнулись под тяжестью убеждения.

Я приехал с Манхэттена в Форест-Хайтс, чтобы повидаться с семьей и сообщить им радостную новость: их самый традиционно бестолковый ребенок собирается жениться. И им это не понравилось.

– Это катастрофа, – мрачно заявила мать и так крепко сжала бокал, что я испугался, как бы он не разлетелся на куски и не поранил ее ухоженные нежные ручки.

– Ты ее совсем не знаешь.

– Я знаю достаточно. Она старая.

Когда-то мать была довольно популярной театральной актрисой: за роль Аделаиды в спектакле “Парни и куколки” ее даже номинировали на “Тони”[6], и несмотря на то, что последняя афиша в ее альбоме была старше меня, мать, как и большинство отставных трагических актрис, по сути, никогда не прекращала играть. Она всегда четко артикулировала, вживалась в образ, стараясь убедить галерку, взгляд ее широко раскрытых глаз был выразителен, а губы навечно застыли в гримасе, готовые немедленно передать любую эмоцию.

– Ей всего тридцать семь.

– Тридцатисемилетняя разведенка. То, о чем любая мать мечтает для своего сына!

По мнению моей матери, в длинном списке испорченных людей разведенки стоят лишь немногим выше педофилов.

– Муж ей изменял налево и направо, – ответил я, досадуя на собственный извиняющийся тон.

– И почему, как ты думаешь?

– О господи, мама. Я не знаю. Потому что он хер моржовый?

– Дуг! – машинально произнес отец, демонстративно указав на стол, на случай, если я не заметил. – Мы едим.

Большего внимания от него никто и не ждал, однако мне кажется, главный уролог крупнейшей нью-йоркской больницы мог бы спокойнее отреагировать на слово “хер”, произнесенное за столом.

– Извини, пап. Я не хотел тебя будить.

– Как ты разговариваешь с отцом?

– Как ты разговариваешь со мной?

– Ну и как?

– Словно я ребенок. Ради всего святого, мне уже двадцать шесть лет.

– Нечего было ругаться.

– Мне казалось, момент того требовал.

Мать одним глотком допила мерло и рассеянно протянула бокал отцу, чтобы тот налил ей еще вина.

– Стэн, – произнесла она, – скажи ему что-нибудь.

---

[6] Американская ежегодная премия за достижения в театральном искусстве.

Отец отложил вилку и задумчиво пережевывал лондонское жаркое – каждый кусочек по тридцать раз, прежде чем проглотить. Когда я был маленьким, я считал, чтобы убить время, сколько раз отец жует каждый кусок, сам с собой заключая молчаливые пари, что сегодня он прожует всего лишь двадцать девять раз. Я ни разу не выиграл, и это столь же прекрасная иллюстрация моего везения, как и все остальное. Даже в споре с самим собой я всегда ухитрялся проигрывать.

– Ты вряд ли способен принять здравое решение, Дуглас, – заявил отец.

Ладно. Вот что я понял. Можно всю жизнь со всеми ладить, быть любящим сыном, неплохо учиться, не принимать сильнодействующих наркотиков, не обрюхатить ничью дочку, быть во всех отношениях отличным парнем и жить в гармонии со всеми тварями Господними. Но стоит тебе в пятнадцать лет разбить угнанный “мерседес” перед полицейским участком – и тебе постоянно будут об этом напоминать. Мать была в шоке. Она с ужасом думала о том, что скажут соседи, хотя в этом случае у нее были на то основания – если честно, это была машина соседа. Но ведь для того и существует страховка, правда? Если вы ни разу не подали иск, значит, им удалось обвести вас вокруг пальца.

– А ты вряд ли способен поддержать кого бы то ни было в трудный момент, – ответил я отцу.

– Я с этим не согласен, Дуг.

Стэнли Паркер не разозлился. Он “не согласился”. Доктор Паркер получил образование в одном из университетов Лиги Плюща[7], в свои шестьдесят пять он выглядел подтянутым и бодрым: густые седые волосы, очки в золотой оправе, профессионально-сдержанный вид, несмотря на обманчиво добрую улыбку, открывающую вычищенные “ментадентом” зубы. Я не помню, чтобы отец хоть раз меня обнял. Однако на выпускном в универе он сердечно пожал мне руку, и в доказательство этого у меня даже осталась фотография.

– Послушайте, – сказал я, жалея, что не прислушался к интуиции, которая подсказывала мне, что лучше остаться дома и сообщить обо всем по телефону. Однако та же самая интуиция когда-то убедила меня в том, что если я угоню “мерседес” соседа и поеду кататься, то это поможет мне переспать с одной девицей. Тогда интуиция подвела, да и за эти годы она не стала лучше, поэтому, если честно, я привык ее игнорировать. – Я люблю Хейли, и у нас с ней все серьезно. Она красива, умна, она прекрасная мать. Я и мечтать не мог о том, что когда-нибудь встречу такую женщину.

Мать задохнулась от изумления и ужаса, вино выплеснулось через край ее бокала, оставив на скатерти красное пятно. Ей-богу, когда я прихожу к ним в гости, ей лучше пить шардоне.

– У нее есть ребенок? – прохрипела мать, схватившись за сердце. Она закрыла глаза и с трудом переводила дух, как будто ее ударили ножом.

Я улыбнулся.

– Поздравляю, бабуля.

– Господи Иисусе! – простонала мать.

– Да, – ответил я и поднялся, чтобы уйти. – Я предчувствовал, что ты это скажешь.

Выходя из дома, я успел услышать, как мать пилит отца, словно все это его вина.

– Стэнли, – орала она, – это же катастрофа!

Сама того не зная, мать доказала одну из своих излюбленных аксиом: даже если часы не ходят, они дважды в день показывают правильное время.

[7] В Лигу Плюща входят привилегированные университеты северо-востока США.

Глава 4
Как общаться с вдовцом
Дуг Паркер

Со смертью Хейли я что-то утратил.

Я не знаю, как это назвать, но это что-то мешает сказать правду, когда тебя спрашивают, как дела, словно некий жизненно важный клапан удерживает глубокие, истинные чувства под замком. Я не знаю точно, когда именно его потерял или как его вернуть, но теперь во всем, что касается такта, вежливости и благоразумия, я – мина замедленного действия, которая того и гляди взорвется.

В смысле общения я стал своего рода обузой.

На днях стоял в рецептурном отделе, собирался запастись снотворным. Тут меня заметила подруга Хейли. Она подошла и взяла меня за руку.

– Дуг, – обратилась ко мне она. Бриллианты на ее кольце царапали мне кожу, словно зубы мелкого зверька. – Я собиралась тебе звонить. Ну, как ты?

Я знаю сценарий, я выучил текст. Я должен был сказать, что у меня все в порядке, или хорошо, или более-менее, или как нельзя лучше, и клянусь, я открыл рот, чтобы произнести что-нибудь в этом духе, но вместо этого показал ей оранжевый пузырек с таблетками и сказал:

– Я пью эти чертовы таблетки и все равно не могу заснуть. Принимаю еще, и мне снятся кошмары, а проснуться я уже не могу – мешают проклятые таблетки, а когда все-таки просыпаюсь, чувствую себя совсем усталым, и мне не очень-то хочется просыпаться, потому что, проснувшись, я думаю о Хейли, и мне снова хочется заснуть. А ты как?

Подруга Хейли нервно огляделась, обдумывая, как бы половчее улизнуть, и мне стало ее жаль. Но себя мне жаль еще больше. Поэтому я кивнул, помахал ей рукой, словно она на другой стороне улицы, а не рядом – так близко, что видно темные поры на коже у нее под глазами, – и вышел из аптеки.

И сейчас такое случается постоянно.

Моя сестра Клэр утверждает, что я намеренно так поступаю, что я таким образом держу людей на расстоянии. В чем-то она, может, и права, но клянусь, что не специально так делаю. Это вырывается из меня без предупреждения, неожиданно, словно сильный чих.

Несколько недель назад ко мне постучался чувак – то ли из “Свидетелей Иеговы”, то ли из “Евреев за Иисуса”, то ли просто фанатик на транквилизаторах, торгующий Богом вразнос, в брошюрах. Он улыбался, словно карикатура на самого себя.

– Вы уже впустили Бога в свою жизнь? – спросил он.

– Пусть катится ко всем чертям.

Чувак блаженно улыбнулся, как будто я похвалил его дерьмовый костюм, купленный в “Джей-Си-Пенни”[8].

– Когда-то я думал и чувствовал точно так же, брат мой.

– Ты мне не брат, – прошипел я. – И никогда ты так себя не чувствовал. Если бы ты чувствовал себя так, до сих пор из этого не выбрался бы, потому что такое не проходит. И тогда ты точно не стучал бы в чужие двери с придурочной ухмылкой на роже!

– Эй! – воскликнул он встревоженно. – Отпусти меня!

И я сообразил, что схватил его за галстук и притянул к себе так, что мы очутились нос к носу, и я могу разглядеть капельку собственной слюны, которая брызнула чуваку на подбо-

[8] Одна из крупнейших в США сетей универмагов.

родок. Я увидел, что парню едва-едва перевалило за двадцать и он насмерть перепугался. Я отпустил его и сказал, чтобы он убирался. Чувак слетел со ступенек, словно собака, получившая пинка. Мне стало его жаль, но тут он заорал: “Ублюдок долбаный!” и показал мне средний палец. Должно быть, это выглядело смешно, но мне давно уже не бывает смешно. По крайней мере, теперь у чувака будет собственная история борьбы, которой он сможет поделиться с другими представителями Господними за кофе с пончиком в их священном офисе.

А на следующий день я пошел в “Хоум Депо” купить лампочек и увидел там парочку примерно моего возраста: они выбирали краску. Девушка была красива и изящна, парень – лысоват и коренаст, оба одеты в хаки. Было видно, что они по уши влюблены друг в друга. Они болтали о комнате, которую собирались красить, обсуждали цвет ковра, диван и породу дерева, из которого был сделан шкаф, где у них стоял телевизор. Девушка захватила с собой шнурок для шторы, чтобы подобрать цвет; Хейли сделала бы точно так же. Я глазел на парочку: они показывали друг другу образцы краски, прикладывали их к шнурку для шторы, и я представил, как эти двое, обнявшись, сидят у себя в комнате, оформленной в серо-коричневых тонах, на пепельно-сером диване и смотрят телевизор. Я думал о том, что завтра они могут потерять друг друга, что один из них или оба они могут умереть раньше, чем высохнет краска на стене. Девушка странно посмотрела на меня, и я осознал, что произнес это вслух. Ее супруг шагнул ко мне, словно собирался затеять драку, хотя, кажется, я уже первый начал. Но тут он сунул руку в карман и протянул мне скомканный носовой платок. Я понял, что плачу.

Прошел уже год, и, похоже, мои родные и друзья считают, что срок скорби истек, как будто нужно лишь, чтобы сменились четыре времени года, и после этого можно наливать новое вино в старые мехи, и ты готов снова начать жить. Пора возвращаться к жизни, твердят они. И вот моя мать регулярно звонит и пытается свести меня с очередной девицей, с которой она или кто-то из ее подруг познакомилась в очередной поездке. Но, честное слово, как же надо любить падаль, чтобы пойти на свидание с угрюмым двадцатидевятилетним вдовцом, у которого нет ни нормальной работы, ни мало-мальской цели в жизни? Я представляю себе странных костлявых теток в бесформенных простецких платьях, огромных очках и с целым выводком кошек, с которыми они разговаривают, как с детьми. Или же это унылые, нервно оживленные толстухи с заниженной самооценкой, которые, обливаясь потом, шарят по дну бочки свидания в непрестанных поисках оргазма, не зависящего от прибора, на пальчиковых батарейках. Или разведенки – траченные жизнью подозрительные мизантропки, которые ищут очередную плевательницу для желчи либо, не помня себя от страха и одиночества, готовы вцепиться в первого, кто захочет разделить с ними ложе и выплаты по закладной. А еще фетишистки – вампирши, сосущие кровь скорби, которые жаждут слизать с моего лица слезы и впитать своим распухшим сердцем мою безграничную грусть; эти могли уложить меня в койку раньше, чем я рассчитывал, поэтому я стал ревниво относиться к своей скорби – я не очень-то готов ею делиться.

Так что даже если бы я был готов – а я не готов, – мне все же пришлось бы столкнуться с вечной как мир проблемой: я не собирался вступать ни в один клуб, который мог бы принять меня в свои ряды.

Глава 5

Небо просто издевается надо мной. Сегодня один из тех навязчиво-чудесных весенних дней, которые словно из кожи вон лезут, чтобы быть еще прекраснее – настолько, что хочется дать им по морде. Небо ярче, чем имеет право быть: оно оскорбительно, невыносимо голубое – такое, что остаться дома значит совершить преступление против человечности. Как будто мне есть куда пойти. Соседи, как один, стригут газоны и подравнивают изгороди, отовсюду доносится механическое шипение крутящихся дождевателей. Чудесный день. Хейли мертва, а мне нечего делать и некуда идти.

Я подбираю с лужайки пластмассовые ошметки мобильника, и тут на обочине тормозит темный раздолбанный "ниссан" с тонированными стеклами. Сквозь приоткрытую дверцу машины несется энергичный нестройный хип-хоп; из "ниссана" в густом облаке застоявшегося сигаретного дыма вылезает Расс. Он высокий и мускулистый, как отец, на нем мешковатые шорты, вьетнамки и линялая футболка с рисунком из "Боевой звезды Галактики"[9].

В руке у него айпод. На прощание Расс с приятелями хлопают друг друга по рукам, перекрывая музыку, парни кричат ему вслед веселые непристойности. Из открытого окна задней двери вылетает полупустой стаканчик из-под колы, жидкость льется на тротуар, как кровь на месте преступления. Расс улыбается и бьет по крыше машины; "ниссан" трогается с места и лихо заворачивает за угол – так, что шины визжат. Я прислушиваюсь, не раздастся ли глухой удар, но нет. Расс явно попал в дурную компанию: катящиеся по наклонной придурки с подернутыми пеленой глазами и пирсингом в бровях, с длинными всклокоченными волосами и фальшивыми документами, парни, которые ночь напролет бесцельно гоняют на машинах, ищут на свою голову приключений, тусуются на пустынных стоянках, надираются дешевым пивом, играют мрачный панк-рок и перемывают кости говнюкам из собственной школы. Я знаю, что должен что-то с этим делать, особенно в свете инцидента с полицией, который произошел несколько дней назад, но скорбь и жалость к себе истощили мои силы, а делать несколько дел сразу у меня не получалось никогда.

– Привет, – говорит Расс, направляясь по лужайке ко мне. Он вытаскивает из ушей наушники и вешает их на шею. Длинные нечесаные волосы – того же медового оттенка, что и у Хейли – падают на большие темные глаза Расса, словно вуаль. С того случая с полицейским прошла почти неделя, и от порезов на лице и шее у него остались лишь бледно-розовые шрамики.

– Привет, – отвечаю я.

– Прости за ту ночь, – продолжает Расс. – Я был слегка под кайфом.

– Я не думал, что наутро ты уйдешь.

– В девять ты еще спал, – произносит он, пожимая плечами. – Это твой сотовый?

– Был.

– Хороший удар. В смысле, если ты целился в дерево.

– Я целился в кролика, а попал в дерево.

Расс глубокомысленно кивает.

– Бывает.

Я встаю и иду к крыльцу, на ходу засовывая в карман останки сотового.

– Ты разве не должен сейчас быть в школе?

– И что? Ты теперь как мой отец?

– Я просто спросил.

Он смотрит на меня и качает головой.

[9] Популярный фантастический телесериал.

– Я бы с радостью тебе ответил, честно. Но ты лишился права задавать подобные вопросы, когда выгнал меня к Джиму и Энджи.

– Мне жаль, что так вышло, Расс. Но ведь Джим твой отец. Я ничего не мог поделать.

– Да что ты говоришь! – фыркает Расс. – Он меня ненавидит. Он был бы счастлив, если бы ты меня забрал.

– Ты знаешь, что это не так.

– Ты знаешь, что это так.

Мне с самого начала было ясно, что Расс относится ко мне лучше, чем к отцу. Я понимал: в первую очередь это потому, что я не попался со спущенными штанами во время секса со старой подругой и не бросил Расса ради новой семьи, как сделал Джим. Расс, может, и не был в буйном восторге (если не сказать хуже), когда я переехал к ним три года назад, но я, по крайней мере, был меньшим из двух зол. А мои родители думали, что я никогда ничего не добьюсь.

При любых, даже самых лучших, обстоятельствах озлобленный подросток с трудом идет на контакт. А как еще относиться к человеку, который спит с твоей матерью? Поверьте мне, это совсем другой уровень сложности. Когда я только переехал к ним, я знал: мне придется порядком попотеть, чтобы поладить с Рассом, дабы Хейли не чувствовала себя неловко. Если бы у меня ничего не получилось, вышло бы так, словно она бросила своего ребенка. Новый друг лучше старых двух. Поэтому я прикинулся добрым дядей: отвозил Расса в школу и на встречи с друзьями, время от времени по выходным ходил с ним в кино, проверял его контрольные работы, а в последнее время учил его водить на своем стареньком “саабе”. Ребенком я был ленив, да и сейчас тот еще лентяй; вся прелесть ситуации была в том, что я не собирался заменить Рассу отца, и от этого благоразумного решения мы все оказались в выигрыше. Как только мы выяснили, что нам не нужно друг от друга ничего, кроме взаимно комфортного совместного обитания без каких-либо условий, мы прекрасно поладили.

Но чего он от меня ждал после гибели Хейли – заявления об опеке? Я знаю, Джим не сахар, но и я тоже. Ради всего святого, мне двадцать девять лет, я мрачен, ленив и зол, я слишком много пью и надеюсь, что рано или поздно у меня хватит духу продать дом и свалить из этого городишки ко всем чертям, а если мне придется заботиться о Рассе, я этого сделать не смогу. Так ему будет лучше, поверьте. Парень получит несколько миллионов долларов от авиакомпании, поэтому ему нужно просто остаться с Джимом до того, как ему стукнет восемнадцать: тогда он уже не будет нуждаться в опеке.

– Ты бы только слышал, что творится в этом “борделе Джимбо”! – хмыкает Расс. – Я, конечно, знал, что он озабоченный козел, но, чувак, я живу, словно в порнофильме. Они как уложат этого мелкого уродца, моего брата, спать, тут же начинают трахаться и делают это часами. Моя комната прямо под их спальней; у меня такое ощущение, что они не останавливаются никогда. А пока они трахаются, Энджи кричит всю эту чушь – типа, “сильнее, еще сильнее”, а я сижу и смотрю, как трясется потолок, и думаю о том, что, если он трахнет ее еще сильнее, пол провалится и они оба рухнут ко мне на кровать. Поверь, с меня и без этого хватит потрясений.

Расс проводит рукой по всклокоченным волосам, отбрасывает их с лица, и я замечаю у него на шее яркое пятно.

– Что это у тебя? Татуировка? – спрашиваю я, изо всех сил стараясь не выдать своей тревоги.

– Да, – отвечает Расс и отворачивается.

– Когда ты ее сделал?

– На той неделе.

– Покажи.

Он поднимает волосы, и я вижу на его шее похожую на головастика синюю загогулину, со всех сторон охваченную оранжевым пламенем, как в комиксах. Я знаю, что не стоит из-за этого

расстраиваться, знаю, что сейчас татуировки – нечто вроде украшения, аксессуара, как кольца на большой палец или браслеты. Актрисы – лауреаты "Оскара" выкалывают на спине вязью цитаты из буддийских текстов. У любой девицы в джинсах с заниженной талией на заднице есть татуировка – бабочка. Но все-таки у меня сжимает горло при мысли о чем-то столь постоянном на теле этого грустного и злого шестнадцатилетнего ребенка. А еще при мысли о том, что Хейли было бы очень больно это видеть. Когда Расс впервые сбрил щетину, больше похожую на пушок персика, Хейли была практически безутешна. Но сделанного не воротишь, и мне не остается ничего, кроме как ободрить парня.

– Красиво, – говорю я нерешительно.

– Угадай, что это? – спрашивает Расс.

– Горящая сперма?

– Да пошел ты.

– Тогда метеор.

– Это комета, – произносит Расс.

– А какая разница?

– Откуда мне, черт подери, знать?

– Ладно. Пусть будет комета.

Расс бережно потирает татуировку.

– Это комета Хейли.

Мои глаза мгновенно наполняются слезами, сдержать их я не успеваю.

– Я знаю, что по-настоящему пишется иначе[10], – продолжает Расс смущенно, – но, понимаешь, мне просто понравился образ. Комета Хейли. Она всегда расстраивалась из-за того, что я пишу с ошибками, так что это своего рода компромисс.

Мне одновременно хочется заплакать, обнять Расса, пойти и тоже сделать себе татуировку. Но сейчас у меня ни на что из этого не хватит сил, поэтому я просто отворачиваюсь и говорю:

– Круто, Расс. Ей бы понравилось.

– Она бы вопила, рыдала и потом год меня бы пилила.

– Возможно. Но в глубине души ей бы это понравилось.

– Нет, – настаивает Расс, качая головой. – Не понравилось бы.

На мгновение я задумываюсь, потом медленно киваю.

– Наверное, ты прав. Но я все-таки считаю, что это прекрасная дань ее памяти.

– Я сделал это, потому что знал, что ей бы это не понравилось.

Я пытаюсь принять глубокомысленный вид – как парень, который действительно знает, о чем говорит.

– Ну, даже если сейчас ты этого не понимаешь, это все-таки дань памяти Хейли.

– Дуг.

– Что?

– Какой же ты дурак.

Я вздыхаю.

– Ты думаешь, я сам не знаю?

Расс насмешливо фыркает, сворачивает невесть откуда взявшийся неровный косяк, а потом ищет в карманах зажигалку.

– Ты не мог бы не делать этого при мне? – говорю я.

– Почему это?

– Потому что я твой отчим, и это безответственно.

---

[10] Игра слов: *Hailey's comet* – комета Хейли, *Halley's comet* – комета Галлея.

– Интересно, – произносит Расс. – Ты сохраняешь это право, несмотря на то что не отстоял его? Я имею в виду, мама умерла, и с точки зрения закона мы здесь вроде как на нейтральной территории. Будь ты моим официальным опекуном…

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Закуривай. Только не читай мне нотаций.

Расс закуривает и затягивается так глубоко, что я слышу потрескивание тлеющей бумаги. Мы мирно сидим рядышком, словно на открытке “Холлмарк”, – я и мой обдолбанный пасынок.

– Знаешь, – спустя несколько минут говорит Расс задумчиво, – если вдуматься, Джим – мой отец лишь потому, что когда-то трахнул мою мать.

– Точно. Понимаешь, я изо всех сил стараюсь об этом не думать.

– Я про то, что с этой точки зрения ты имеешь такие же права. На самом деле даже бóльшие, так как у него моральный облик подкачал.

– Да уж, – отвечаю я. – Зато я образец добродетели. Именно поэтому ты сейчас дуешь прямо у меня на глазах.

Он пожимает плечами.

– Значит, ты продвинутый.

– Я мудак.

– Никто и не спорит, – многозначительно произносит Расс, показывая на себя. Я знаю, что он всего лишь поддразнивает меня, но все равно чувствую себя уязвленным. Что тут скажешь? Я обидчив.

Он протягивает мне косяк, но я качаю головой.

– Пас.

– Не дури, – настаивает Расс. – Я спер его у тебя из загашника.

– Расс, – мягко произношу я, поворачиваюсь и смотрю на него. – Если ты меня так сильно ненавидишь, почему так часто сюда приходишь? И почему той ночью ты попросил копа привезти тебя сюда?

Он поднимает глаза, чтобы поймать мой взгляд, но я отворачиваюсь. С тех пор как Хейли умерла, я не могу смотреть людям в глаза – ни знакомым, ни незнакомцам. Не знаю почему, но это так. Расс качает головой и, насупившись, пытается сдержать слезы.

– Это был мой дом, парень, – отвечает он. – А ты заявился сюда и… – его голос срывается, и Расс продолжает: – Черт. – Он отворачивается.

– Расс, – зову я.

– Забудь, – говорит он. – Я просто зашел извиниться за ту ночь. Больше это не повторится.

– Я не собираюсь ничего забывать. – Я протягиваю к нему руку, но он резко отворачивается, встает с крыльца и с омерзением отшвыривает косяк. – Что с тобой творится, Расс?

– Ничего. Не жизнь, а мечта, черт подери. Мне пора идти.

– Лучше бы ты остался.

– Ага, – соглашается Расс, спускаясь по ступенькам. – Когда мы в последний раз получали то, что для нас лучше?

Он идет по дорожке, на ходу надевая наушники, чтобы заглушить звуки мира яростным саундтреком своей жизни, и все, что я могу сделать, – то, что я и так делаю: сижу и провожаю его взглядом.

Я не верю в рай, в Бога и в загробную жизнь. Не верю, что Хейли отошла в лучший мир, что она стала ангелом и смотрит на меня с небес. Я верю, что ее душа погибла в тот же миг, что и тело, – когда самолет врезался в гору на скорости 500 километров в час и разбился в лепешку, словно пустая жестянка из-под газировки. Но когда я, развалившись и закрыв глаза, сижу на крыльце, и вдыхаю последний дымок косяка, брошенного Рассом, я чувствую Хейли так явно, что на мгновение у меня перехватывает дыхание и встают дыбом волоски на шее. *Привет, детка*, мысленно говорю я ей. *Это ведь ты, или только пустота – там, где ты раньше была?*

Но проходит мгновение, и я снова становлюсь прежним. Сижу на крыльце на качелях и тихонько ловлю кайф в самый разгар этого идиотски-прекрасного дня. Я смотрю, как удаляется мой грустный и злой пасынок; его фигурка становится все меньше и меньше. Он идет по улице и думает о комете Хейли, которая пылает на его коже; наверное, ему было очень больно, когда ее кололи. Я смотрю ему вслед, пока он не скрывается из виду, а потом поднимаю глаза и не моргая гляжу в голубое небо – такое же нелепое, как я.

Глава 6

Примерно в полдень приходит Лейни Поттер и приносит мне мясной рулет. После катастрофы друзья Хейли стали по очереди меня навещать; я давным-давно убедил всех, что больше не надо ко мне приходить, но Лейни, которой достались вторники, не сдавалась. Войдя в дом, Лейни ставит рулет в холодильник, обнимает меня и целует в щеку. Она тесно прижимается ко мне всем телом – совсем не так, как замужняя женщина должна обнимать холостяка; разговаривая, она часто дотрагивается до меня, спрашивает, все ли у меня в порядке. Она была бы счастлива, если б я разревелся прямо при ней – тогда она смогла бы меня обнять и успокоить. У Лейни ярко-рыжие волосы, аппетитная фигура и губы, как у порнозвезды – пухлые, словно покусанные пчелами. Ее муж, Дейв, лет на пятнадцать старше меня, он юрист. Лейни тридцать четыре, из наших общих знакомых к моему поколению принадлежит только она одна. Лейни всегда со мной флиртовала – невинно, в шутку, словно это наша общая игра, но последнее время она увеличила обороты. Ничего такого, чему нельзя было бы при необходимости найти невинное объяснение, однако в ее объятьях читался недвусмысленный призыв.

– Выглядишь ты не очень, – говорит Лейни, отстраняясь, но не отпуская меня и словно невзначай прижимаясь ко мне бедрами.

– Я рассматривал фотографии и плакал.

Я не это хотел сказать, но так уж получилось. Я в довольно-таки странном состоянии: не могу смотреть никому в глаза дольше пары секунд, но стоит задать мне простой вопрос – и я изолью вам душу. Когда Лейни позвонила в дверь, я валялся в гостиной на полу, разглядывал наши с Хейли фотографии, которые лежали в коробке из-под обуви – мы так и не собрались вставить их в альбом, – и ждал, пока в окне погаснут последние лучи солнца, освещавшие галактику, чтобы с полным правом открыть бутылочку “Джека Дэниелса”.

– Бедный Дуг, – произносит Лейни и снова обнимает меня. Я чувствую, как ее твердые соски, словно два обкатанных морем гладких камешка, прижимаются к моей груди, я слышу запах кожи в ложбинке на ее шее – этот ни с чем не сравнимый аромат, характерный для рыжих, и ловлю себя на том, что мне хочется лизнуть ее шею и посмотреть, что будет. День был поганый, просто никудышный, и мне вдруг улыбается мысль о том, чтобы раздеть соблазнительную Лейни Поттер, которая явно только того и ждет, и затеряться в изгибах и ямочках ее нежной плоти. Я понимаю, что в постели она не будет вести себя активно, не будет кричать от страсти, не будет дикой и необузданной – да и когда я в последний раз вот так занимался сексом? Я не спал ни с кем целый год, и, быть может, секс с Лейни Поттер поможет мне воспрянуть духом.

Я ощущаю, как твердеет мой член, прижатый к бедрам Лейни, я чувствую, что ее сердце бьется сильнее, я слышу, как она учащенно дышит мне в ухо, но я знаю, что секс с ней стал бы ошибкой. Она начала бы приходить каждую неделю – быть может, несколько раз в неделю; я не успел бы оглянуться, как мы закрутили бы запутанный роман и она стала бы жаловаться мне на Дейва, рассказывать, что хочет его бросить, и мне пришлось бы ее избегать, а это непросто, потому что я никогда не выхожу из дома – и все из-за того, что в минуту слабости я принял свое безграничное одиночество за обыкновенную похоть.

– Извини, – говорю я, освобождаясь из ее объятий. – Я сегодня неважно себя чувствую.

– Я могу тебе чем-то помочь? – спрашивает Лейни. На ее лице горит легкий румянец, она взволнованно оглядывает кухню.

– Думаю, я просто поем и лягу спать.

– Мне больно при мысли о том, что ты здесь один и тебе плохо, – продолжает она. – Хочешь, я останусь ненадолго?

Она что-то говорит, я ей отвечаю, но одновременно с этим идет другой разговор: беседуют наши глаза (хотя, встретившись взглядом, мы тут же отворачиваемся), ведут диалог наши

нервно-оживленные руки, перекликаются пульсации в чреслах – я не успеваю уследить за всеми этими разговорами. Ощущение такое, будто одновременно слушаешь радио, смотришь телевизор, пылесосишь и болтаешь по телефону.

– Нет, все в порядке, – уверяю я, провожая Лейни до двери. – Правда. Мне просто нужно поспать.

– Я могу подоткнуть тебе одеяло, – предлагает Лейни, и я спиной чувствую ее взгляд.

– Все хорошо. Спасибо.

У порога она снова обнимает меня, и на этот раз я целую ее в щеку, до смешного гордый тем, что не поддался искушению. Я никогда не спал с замужней женщиной – скорее потому, что как-то не было случая, чем из принципа, – но что-то подсказывает мне: сейчас не самый лучший момент, чтобы начинать. Дейв Поттер, муж Лейни – юрист, он занимается частной практикой вместе с Майком Сендлменом, человеком, который через несколько недель женится на моей сестре Дебби. Улавливаете связь? Жена трагически погибает – и жизнь превращается в дрянной сериал.

И все же… У Лейни до смешного сексуальные губы, похожие на две длинные, сужающиеся к уголкам подушки, лоснящиеся и блестящие, и раз я не собираюсь с ней спать, я не вижу ничего дурного в том, чтобы задеть их краешком рта, целуя Лейни в щеку.

– Спасибо тебе за все, Лейни.

– Если тебе что-нибудь понадобится, Дуг, я всегда готова помочь, – отвечает она, многозначительно глядя мне в глаза. – Ты ведь это знаешь, правда?

– Да.

Ее улыбка – открытое признание в том, что между нами что-то происходит, и это нужно просто принять. Глядя на то, как она садится в машину, я чувствую легкий укол сожаления; я все еще помню нежную припухлость ее губ на моих губах. Я не знаю, почему она предлагает мне себя: потому ли, что несчастлива в браке, потому ли, что одинока, или ей все надоело, или оттого что Дейв так же скучен и вял в постели, как за ее пределами, – как бы то ни было, я думаю, разумнее оставить все как есть. Потому что в конце концов мне придется расстаться с Лейни, и она будет чувствовать, что ею воспользовались, а мне будет плохо. И хотя я не знаю наверняка, как все обернется, я абсолютно уверен, что на этом вторники с Лейни Поттер закончатся. Обдумав все окончательно, я прихожу к выводу, что по ее мясному рулету буду скучать больше, чем по чему-либо еще.

И все-таки, когда она ушла, я испытал разочарование и злость. Мне хочется кого-нибудь обнимать, целовать, лизать, сосать, слышать, как подо мной кто-то извивается и дрожит. Я хочу почувствовать терпкую сладость женских губ, хочу лежать голым и потным между вздымающихся волной, горячих и влажных бедер Лейни Поттер.

– Я хочу трахаться, – жалуюсь я Клэр по телефону. Мы болтаем каждый день.

– И из-за этого ты испытываешь чувство вины.

– Думаю, да.

– Не стоит.

– Ладно. Я рад, что мы поговорили об этом.

– Я серьезно, Дуг. Это же абсолютно естественно. Все трахаются.

– Не рановато ли?

– Жениться – может быть. Ходить на свидания – вероятно. Но секс? Это же чистой воды физиология. Все равно что просраться.

– Мне такое сравнение никогда не приходило в голову.

– Однако это то же самое. В тебе накапливается что-то, что просится наружу.

– Мне кажется, это неправильно.

– Преодолей себя, братишка. Если некая озабоченная домохозяйка спит и видит, как бы заняться с тобой сексом – и не обязательно по телефону, – так, черт подери, достань свой аппарат и займись делом! Большую часть жизни ты мечтал, чтобы у тебя было, кому, э-э-э, позвонить в случае чего. Так теперь твоя мечта сбылась.

– Это добром не кончится.

– Ничего еще даже не началось, а ты уже переживаешь о том, как что кончится, – сердится Клэр. – Относись к этому так. Первые несколько раз, когда ты занимаешься сексом, все хреново. Ты как заново рожденный девственник – со всем этим грузом эмоций. Тебе будет трудно держать ритм, или же ты кончишь слишком быстро, или вообще не кончишь, а потом впадешь в депрессию. Поэтому лучше разберись с этим дерьмом сейчас, чтобы не обосраться, когда встретишь кого-нибудь подходящего.

– Спасибо за поддержку. Ты меня очень подбодрила.

Клэр смеется.

– Чем могу.

Я вздыхаю.

– Она замужем.

Клэр вздыхает, передразнивая меня, и произносит, пародируя мой покорный тон:

– Ты живешь в Нью-Рэдфорде, братишка. Там другие не водятся.

Клэр – моя сестра-близнец, мой внутренний голос, нравится мне это или нет. Она была первой, кому я позвонил, когда погибла Хейли. Ну, не совсем так. Сначала я вроде как позвонил матери. Была глубокая ночь, мне только что позвонили из авиакомпании и сообщили о катастрофе. Я не помнил, как набрал номер родителей.

– Алло, – сказала мать хриплым со сна и густым, как сироп, голосом. – Алло? – Я слышал темноту в ее спальне – гнетущую тишину, которую я только что нарушил. – Кто это?

Я не мог говорить. Заговорить значило впустить разъяренную толпу действительности, которая сейчас сердито бурлила у ворот моего посольства.

– Алло! – повторила мать еще раз, потом сказала: – Скотина, – и повесила трубку.

Хейли умерла, а моя мать назвала меня скотиной. Это мелочи, но они навсегда врезаются в память.

Где-то, в поле или в лесу, еще дымились обломки самолета, повсюду лежали вперемешку части тел, остатки багажа и обугленные, искореженные куски фюзеляжа. И где-то посреди этой бойни была моя Хейли, та самая женщина, которую я поцеловал на прощанье всего несколько часов назад – тот же каскад густых светлых волос, те же длинные ноги, которыми она обвивала меня, те же большие умные глаза, курносый нос и тонкие чувственные губы, которыми я никогда не мог насытиться… Все это было там, в каком-то неизвестном, случайном месте – безжизненное, как горящие покореженные обломки вокруг нее. В это было невозможно поверить. Я знал, что это правда, но я этого понять не мог.

Казалось, это понимает парень в зеркале, с бледным и перекошенным лицом: в его глазах тлела искра ужаса, не успевшая разгореться и исказить лицо. Но я ничего не чувствовал. Я бросил испытующий взгляд на парня в зеркале. Улыбнулся ему. Он ответил мне кривой ухмылкой душевнобольного. Я изобразил на лице гримасу ужаса и грусти, словно актер, готовящийся к занятию по системе Станиславского – когда несколько чокнутых доходяг сидят в кружок и хлопают нарочитой игре друг друга, а какая-нибудь неудачница, похожая на Глорию Свенсон[11], в клубах дыма своей сигары высказывает бессмысленные критические замечания. Хейли умерла, а я дурачился перед зеркалом. Я всегда чувствовал, что не достоин ее любви, и если мне нужно было доказательство этого, то оно сейчас смотрело мне прямо в лицо…

[11] *Глория Свенсон* (1899–1983) – знаменитая американская актриса кино, театра и телевидения.

– Хейли умерла, – произнес я вслух. Мой голос заполнил комнату, словно громкий пердеж на званом обеде. Нормальные люди на такой звонок отреагировали бы бурно, правда? Они бы в отчаянии кричали “нет!” и, рыдая, падали на пол или в слепой ярости молотили по стене кулаками – так, что в конце концов было бы непонятно, трещит стена или их разбитые кулаки. А я лишь стоял у кровати, потирая шею и недоумевая, что же мне делать. Думаю, я был в ступоре, и это хоть немного утешает, потому что Хейли не заслужила жалкую отговорку вместо нормальной человеческой реакции на ее кончину.

Первым порывом было позвонить кому-нибудь. Я инстинктивно набрал номер мобильного Хейли, не понимая, на что надеюсь. Тут же включился автоответчик. *Привет, это Хейли. Пожалуйста, оставьте сообщение, и я перезвоню вам, как только смогу. Спасибо, до свидания.* Она записала это сообщение как-то вечером на кухне, и фоном было слышно, как мы с Рассом смеемся над какой-то телепередачей. За последние несколько лет я столько раз слышал это сообщение, что уже давно по-настоящему перестал его воспринимать. Но сейчас я вслушивался в ее спокойный, уверенный голос, в рассеянную интонацию, с которой Хейли торопливо проговаривала эти слова, в наш еле слышный смех на заднем плане. Она не могла умереть. Она была здесь, в телефонной трубке, и ее голос звучал в точности как всегда. У мертвых не бывает автоответчика. Телефон запищал, и я осознал, что сейчас он записывает мое сообщение. “Привет, детка”, – произнес я глупо, но больше не смог выдавить из себя ни слова и повесил трубку.

И тут в мою голову закралась ужасная эгоистичная мысль, потом еще одна, и вот уже они хлынули потоком, одна за другой – так бывает, когда придержишь дверь перед какой-нибудь пожилой дамой, а за ней идут еще пятнадцать человек, и ты стоишь и держишь дверь, хотя собирался пропустить всего лишь одну-единственную старую леди.

Как я с этим справлюсь?

Где я буду жить?

Полюбит ли меня еще кто-нибудь?

Я представил себе обнаженную Хейли, которая выходит из ванной, призывно улыбается мне и идет к постели. Улыбнется ли мне когда-нибудь вот так какая-нибудь обнаженная женщина? И даже тогда, в эту страшную минуту, я знал, что будут и другие голые женщины, и мне стало стыдно за то, что я это знаю. Но посмотрит ли на меня хоть одна из них так, как смотрела Хейли?

А еще – и это было хуже всего, не для слабонервных – я испытал явное чувство облегчения, осознав, что она никогда меня не разлюбит: теперь она будет любить меня вечно. Я почувствовал себя большим негодяем, чем когда бы то ни было, и это не просто слова.

Хейли умерла. Я попытался постичь это. *Она не вернется. Я ее больше никогда не увижу.* Все это ничего не значило. Это были лишь слова – не более чем непроверенные гипотезы. Что мне теперь делать? *Хейли умерла. Хейли умерла. Хейли умерла.* Мне казалось важным постичь эту мысль во всей ее полноте: тогда я смогу действовать и сделаю все, что нужно.

А что нужно? Об этом я ни черта не знал, но я прекрасно помнил о Рассе, который спал в своей комнате в конце коридора. Он сейчас спит, но проснется он в кошмарном сне и никогда уже не будет спать спокойно. Расс никогда не будет дышать, улыбаться, есть, плакать, думать, кашлять, гулять, моргать, испражняться и смеяться так, как раньше, и он еще даже не подозревает о том – и это казалось особенно жестоким и несправедливым. Я уже тогда понимал, что видеть его горе мне будет труднее, чем переживать самому. Мне захотелось уйти, пока он не проснулся, сбежать, чтобы никогда не увидеть его глаз, полных ужаса и скорби от осознания того, что жизнь изменилась.

Что же мне делать?

Двигаться. Позвонить кому-нибудь. Кто-то должен знать, что нужно делать.

Я снова снял трубку.

– Алло, – пробормотал Стивен, муж Клэр.

– Могу я поговорить с Клэр?

– Дуг? – спросил он сонно. – Господи! Ты знаешь, который час?

– Без семнадцати минут два. Мне нужно поговорить с Клэр.

– Она спит, – произнес он твердо.

Стивен всегда меня недолюбливал. Я горячо умолял Клэр не выходить за него замуж и подробно объяснил ей причины, по которым он ей не подходит, а Стивен обиделся – отчасти, по общему мнению, потому, что мне хватило ума произнести обличительную речь во время тоста на их свадьбе. В свою защиту я могу сказать, что я был молод и там был бесплатный бар.

– Время не ждет.

– Все в порядке?

Хейли умерла.

– Мне просто нужна Клэр.

В трубке послышался короткий приглушенный шорох, и к телефону подошла Клэр, ее голос звучал смущенно и хрипло.

– Дуг, какого хрена?

О ее манере выражаться всегда ходили легенды, и даже теперь, выйдя замуж за одного из самых богатых наследников в Коннектикуте, Клэр сохранила ее, словно драгоценный талисман детства.

– Самолет Хейли разбился. Она умерла, – наконец я произнес это, и мне показалось, будто что-то холодное и твердое встало на свое место.

– Что?

– Хейли умерла. Ее самолет разбился.

– О господи. Ты уверен?

– Да. Звонили из авиакомпании.

– Они точно знают, что она была на борту?

– Да.

– О черт, – произнесла Клэр и заплакала.

Мне хотелось сказать ей, чтобы она не плакала, но я до сих пор не проронил ни слезинки и решил, что кто-то же должен это сделать, поэтому Клэр плакала за меня, а я слушал, как она всхлипывает.

– Я еду, – выговорила Клэр.

– Все в порядке. Не надо.

– Заткнись, черт подери. Я буду через час.

– Ладно.

– Позвонить маме и папе?

– Нет.

– Дурацкий вопрос. Прости, – было слышно, что Клэр с трудом переводит дух: она кружила по комнате, одеваясь, и кричала на Стивена, чтобы тот заткнулся. – Где Расс?

– Спит, – ответил я. – Клэр…

– Да.

– Я не знаю, что делать.

– Просто дыши. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

– Мне в голову лезет какая-то чушь.

– У тебя шок. Ладно, я уже в машине.

Мгновение спустя раздался громкий треск.

– Твою мать!

– Что это было?

– Я багажником снесла дверь в гараже.

– Господи. Ты в порядке?

– В полном, – ответила она. – Чертова дверь упала. Я просто проеду по ней.

– Езжай осторожно.

– Да хрен с ним. Послушай…

Клэр забыла, что говорит со мной по домашнему телефону, а не по мобильному; как только она отъехала от гаража и оказалась вне зоны действия сети, связь прервалась.

Глава 7

Четверг. День. Нескончаемое объятье Лейни. Обычно Лейни приходит по вторникам, но она утверждает, что была поблизости.

– Ты живешь поблизости, – замечаю я глупо.

– Точно, – соглашается она, краснея. Два часа пополудни, и я уже пропустил для разогрева несколько глотков “Джека Дэниелса”. На Лейни обтягивающая блузка без рукавов, а ложбинка на ее груди – словно теплая манящая улыбка, поэтому я оставляю придирки. Лейни жарко дышит мне в ухо, ее пальцы паутиной оплетают мой затылок, зарываются в волосы, мое лицо прижато к ее плечу, усыпанному светлыми веснушками. Что-то творится с нашими ногами – они занимают какую-то хитрую позицию и переплетаются, хотя мы стоим, так что я через джинсы чувствую, как горячо у нее между ног, и я уверен, что она чувствует, как у меня в штанах зарождается движение.

Это неправильно, думаю я.

Бога нет, думаю я.

Хейли, думаю я.

А потом – *Хейли нет*.

И в этот момент я отодвигаюсь и целую Лейни прямо в пухлые, ягодно-красные губы, захватываю в горсть ее рыжие волосы на шее. Ее губы ждут меня, они уже приоткрыты, язык проворно обвивается вокруг моего, проникает в мой рот. Поцелуй длится вечность. Фактически это несколько поцелуев, слившихся в один, словно связанные вместе коробки овсяных хлопьев в супермаркете, – непрерывная схватка языков, смешение губ. Ведь если мы остановимся, будет время одуматься, но из раздумий ничего хорошего не выйдет. Из того, что я трахну Лейни, тоже вряд ли получится что-то хорошее, и я это знаю, но кого это когда останавливало? Во вторник мы были на волосок от опасности. Сегодня Лейни нарядилась, чтобы бить наверняка: глубокое декольте, короткая обтягивающая юбка, длинные ноги натерты маслом для загара “Коппертон” до легкого блеска. Другого выхода просто нет. Я сдался без боя.

Наши руки яростно рассекают воздух, словно мы танцовщики из Гонконга: ладони сжимают, гладят, ласкают, шарят под одеждой. Ее пальцы порхают по моей спине, залезают ко мне под футболку, впиваются в кожу, мои пальцы скользнули ей под юбку и стиснули ее обнаженный зад. Разве сейчас перестали носить нижнее белье? Я, например, ношу. И если честно, это может стать проблемой. Но Лейни одной рукой расстегивает пряжку моего ремня и крепко обхватывает меня пальцами, штаны и трусы сползают мне на колени. Она пытается взобраться на меня прямо там, прислонив меня спиной к холодильнику, к нашим ногам сыплются магниты в форме фруктов и старые календари. Но когда и кому это удавалось? Лейни на каблуках одного роста со мной, и нам просто не удается найти правильную позицию. Я замечаю, что ее взгляд падает на кухонный стол, но за ним я обычно ем. Правда в том, что, хоть я и люблю секс так же сильно, как любой другой парень, который год не трахался, но я знаю, что на полу можно получить синяк, на ковре – натереть колено (вопреки тому, что мы видим в кино), поэтому ничто не сравнится со старой доброй кроватью. О нашей с Хейли спальне и речи быть не может, поэтому я веду Лейни в гостевую спальню в подвале. Здесь она выскальзывает из одежды и растягивается на одеяле всем своим длинным тренированным телом. Она призывно смотрит на меня, приоткрыв рот – как птенец в гнезде, ждущий, когда мать принесет ему в клюве червя. “Скорей”, – произносит она хриплым от возбуждения голосом, когда я на секунду запутываюсь в футболке. Это единственное слово, которое было сказано за все время, что мы занимались сексом.

Более чем странно целовать чьи-то губы – чужие, не Хейли, проводить по изгибам незнакомой груди сначала пальцами, потом языком, слышать, как кто-то другой дышит, стонет, при-

норавливаться к ритму чьих-то мерно двигающихся бедер. Я не знаю, что ей нравится, мне незачем смотреть ей в глаза – наверно, поэтому я избегаю ее взгляда. Лейни сладострастна – в хорошем смысле слова, а не в том, которое иногда употребляется как эвфемизм. Но она крупнее Хейли, есть что-то пугающее в ее арбузных грудях, широких мощных плечах и пышных бедрах. Спустя некоторое время она перекатывается и садится на меня верхом; когда Лейни наклоняется, меня на мгновение охватывает клаустрофобия. Но внутреннее устройство в отличие от внешнего от модели к модели не меняется, и как только я вхожу в нее, все встает на свое место. Пока мы занимаемся сексом, она тесно прижимается открытым ртом к моим губам. Язык Лейни яростно мечется у меня во рту, и ее стоны перекликаются с ритмом движения наших тел. Она сильно прикусывает мою нижнюю губу, и я чувствую вкус собственной крови, но Лейни тут же слизывает ее.

Честное слово, я изо всех сил пытаюсь не думать о Хейли, я стараюсь раствориться в настойчивых безудержных движениях Лейни, в том, насколько она неутомима и естественна в своей страсти, но даже когда она громко стонет, я понимаю, что парю над нами, бесстрастно наблюдая всю сцену сверху, и поверьте: в том, чтобы увидеть себя со стороны во время секса, приятного мало. Неважно, красив ты или нет, – все равно чувствуешь себя идиотом, узрев глупое выражение своего лица, полуприкрытые глаза и решительно сжатые челюсти, когда в спешке натягиваешь какую-нибудь телку с таким видом, словно от этого зависят судьбы мира. Женщины во время секса закрывают глаза – не для того, чтобы представить себе Брэда Питта, но потому, что им не хочется видеть вашу глупую рожу. А Брэд Питт всего лишь приятное к этому дополнение.

Когда мне было шестнадцать, Клэр решила, что моя девственность меня тяготит, и уговорила свою подружку Нору Бартон со мной переспать. Нора была тощая, плоскогрудая, но она решила мне отдаться – пусть даже на слабо и для смеху, и поэтому для меня она была самой лучшей. Мы занялись сексом в моей спальне, Нора осталась у нас на ночь – якобы позаниматься с Клэр. Я помню, что все шесть или семь минут, пока мы трахались, я думал: "*Так вот он какой, секс. Я занимаюсь сексом*", снова и снова, пытаясь хоть на секунду перестать думать и раствориться в новых ощущениях. А потом все кончилось, и Нора на цыпочках вернулась в спальню Клэр, чтобы перед сном вдоволь посмеяться надо мной и перемыть мне косточки, а я полчаса спустя сидел на своей кровати, с грустью ощущая, как мой член снова напрягается, и недоумевал, почему же я ничего не почувствовал.

Хейли умерла, а я занимаюсь сексом. Быть может, странность ситуации заключалась в этом: вот я в подвале трахаю жену соседа… а может, это Хейли… Я представляю себе ее обнаженное тело, и у меня на глазах внезапно выступают слезы. Но это снова Нора Бартон, и я могу поклясться, что ничего не чувствую, словно мне в пах сделали укол новокаина, – хотя я и слышу свои собственные стоны, которые становятся все громче и чаще.

А потом мы лежим рядом, и Лейни двумя пальцами водит по моей скользкой от пота спине, нежно целует мое лицо, и я чувствую легкий вкус пота на ее шее.

– Дуг, – шепчет она нерешительно, прерывая затянувшееся молчание.

– Лейни, – отвечаю я, чувствуя, как воздух наливается тяжестью.

– Нет, ничего, – отвечает она, помолчав, и это замечательно, потому что, если честно, говорить не о чем. От того, что она сказала только это и больше ничего, я испытываю к Лейни прилив теплого чувства благодарности и целую ее. И потому, что я поцеловал ее, она тоже целует меня, захватывая своими до невероятности пухлыми губами мои тонкие губы, ее зубы сжимаются, язык осторожно пробирается в мой рот. А я орудую пальцами меж ее влажных бедер; она переворачивается на живот и ложится на меня, проводит языком по моим соскам, и вот уже мы снова ласкаем друг друга. В этой позе Лейни удобнее, и теперь она направляет мои губы, куда ей хочется. Ее стоны становятся громче, а бедра раскачиваются ненасытно и дерзко. И поэтому мне удается раствориться в ней, в ее плоти, запахе, вкусе. Я испытываю настоящий

оргазм. Потому что, потому что, потому что. Потому что Хейли умерла, и я в подвале занимаюсь сексом с замужней женщиной. Потому что теперь мне уже все равно. Потому что я одинок, пьян и хочу трахаться. Потому что, потому что, потому что.

Потому что я все равно затрахался.

Лейни уходит, на прощанье наградив меня долгим поцелуем и многозначительным взглядом, который обещает, что она скоро вернется.

– Сегодня все было просто чудесно, – шепчет она мне на ухо. – Как бы мне хотелось вернуться попозже, заниматься любовью ночь напролет, а утром проснуться в твоих объятиях.

Но она не может. Потому что мне нужно время, чтобы принять это, все обдумать, испытать муки совести, а еще потому, что меня трясет, когда вместо “заниматься сексом” или “трахаться” говорят “заниматься любовью”. Хейли никогда не говорила “заниматься любовью”. Это же просто глупо.

А сейчас Лейни пора ехать домой, готовить ужин для мужа и детей, а я уползу обратно в разворошенную кровать и заплачу в одиночестве, зарывшись головой в пахнущую сексом подушку, на которой осталось несколько темно-рыжих волос. Я всхлипываю громче, мое тело содрогается от рыданий, они пронзают меня, словно раскаленные клинки. Я никогда не изменял Хейли, даже никогда об этом не думал: значит, если я только что занимался сексом с кем-то еще, то Хейли и правда больше нет. Я и раньше знал, что ее уже нет, но теперь это знает и мое тело, и ощущение такое, как будто я узнал обо всем еще раз. Мне жаль Лейни – не потому, что мы поступили нехорошо, но потому что я знаю: мы снова займемся сексом, и это еще один шаг к жизни без Хейли, еще один шаг прочь от нее. Как каждые день и ночь. Как и накрывший меня, словно наковальня – героя мультфильма, обессиленный посткоитальный сон без сновидений, который вытесняет из моего сознания все связные мысли.

Глава 8

Послушайте. Я никогда ни о чем таком не думал.

Ради всего святого, мне двадцать девять лет. И мой рассказ должен быть одной из тех комедий, в которых романтический бездельник-горожанин находит настоящую любовь и взрослеет, а не этой хаотичной, абсурдной и жестокой трагедией. Чуть более трех лет назад я жил в небольшой студии в Вест-Виллидж, шлялся с друзьями по барам, напивался, трахался, что-то где-то писал, и меня то и дело выгоняли с разных бесперспективных работ. Я и представить себе не мог, что овдовею, буду жить один в долбаном Нью-Рэдфорде, в доме, который не покупал, и оплакивать покойную жену, которой, по-хорошему, не стоило выходить за меня замуж.

Вам знакомы такие, как я: в любой толпе найдется хитрожопый пофигист, из которого никогда не выйдет ничего путного. Я воображал себя кем-то вроде Роба Лоу в "Огнях святого Эльма"[12] – за исключением саксофона, – но с возрастом понял, что Робу Лоу удача улыбнулась просто потому, что он был очень похож на Роба Лоу. А я слишком походил на Дуга Паркера, и, насколько я знаю, вряд ли Деми Мур не спала ночей, силясь придумать, как бы очутиться со мной в одной ванне.

Я был ребенком, о котором учителя всегда говорили: "Он способный мальчик, жаль, что не старается", ребенком, который никогда не лез за словом в карман и одним метким замечанием мог нарушить дисциплину в классе, – тем, чьи шутки всегда заходили слишком далеко. Мои родители так часто слышали об этом на родительских собраниях, что в конце концов вообще перестали на них ходить, решив не думать о грустном и сосредоточиться на выдающихся достижениях моих сестер. Клэр была редкостной блядью, но ей хватило мозгов поступить в Йельский университет, там она гуляла направо и налево, вылезая из койки только для того, чтобы сесть за учебники, и получила ученую степень по клинической психологии. Потом она удивила нас всех, выйдя замуж за бесконечно занудного Стивена Айвза, наследника состояния "Органических удобрений для газонов Айвза", и очертя голову бросилась осваивать ремесло до неприличия богатой домохозяйки. Можно было буквально услышать, как щелкнул выключатель, когда она отключила мозги и бросила карьеру, но, коль скоро мои предки были довольны, что она вышла за навозного наследника, все было прощено и забыто.

Дебби, которая на три года младше нас, казалось, с младых ногтей понимала, что все свои надежды и мечты родители связывают только с ней, и не разочаровала стариков. Она была круглой отличницей – из тех, кто хнычет и подает на апелляцию, если им на экзамене не ставят высшей оценки, и учителя в конце концов сдавались – только бы она заткнулась. Дебби с отличием окончила Гарвардскую школу права, сейчас она один из компаньонов в фирме на Манхэттене, название которой вызывает одобрительные кивки у тех, кто в этом понимает. У нее просторный офис с видом на Гудзон, личный секретарь и визитки на плотной бумаге с тиснеными серебром буквами. Где-то на пути ко всему этому Дебби потеряла чувство юмора – вероятно, потому, что по этому предмету нет контрольных, – теперь она редко смеется, а улыбки ее мимолетны и слегка похожи на гримасы обиды, и это очень жаль, потому что она была прелестной девочкой и улыбка ей очень шла. Она до сих пор красавица, но сейчас вокруг ее красоты словно натянуто ограждение из колючей проволоки.

Для университетов Лиги Плюща я не годился и со скрипом окончил Университет Нью-Йорка, получив степень бакалавра по английскому языку. Моих знаний не хватало абсолютно ни на что из того, что помогло бы мне заработать на жизнь. Насколько мне известно, на собе-

[12] "Огни святого Эльма" – мелодрама о студенческой дружбе молодых людей, которые недавно закончили университет и вышли в большой мир.

седованиях не принято писать эссе, а коли так, то не стоило и пытаться на них ходить. Так что пока мои друзья как один разорялись на костюмы в тонкую полоску от “Бриони” и устраивались на работу в инвестиционные банки и хедж-фонды, я сменил несколько PR-агентств, где писал лишенные логики пресс-релизы и откуда меня выпирали за различные нарушения корпоративной культуры. Работая в одном агентстве, я решил последовательно, предмет за предметом, воссоздать свою рабочую кабинку у себя дома. Каждый день я утаскивал несколько канцелярских принадлежностей – от бумажек для записей и ручек до степлеров – и прятал их за пределами офиса, как Тим Роббинс – грязь из тоннеля в “Побеге из Шоушенка”. Для более крупных предметов типа телефона и факса я принес спортивную сумку. Засыпался я на стенках кабинки – незаметно спереть их было невозможно, поэтому я подождал, пока закончится рабочий день, и сделал вид, что мне поручили отвезти стенки кабинки вниз на лифте. На охранника в холле это не произвело никакого впечатления, и на следующий день мне пришлось держать в конференц-зале ответ перед начальником отдела кадров и моим боссом Стефани, которая ошеломленно смотрела запись моего преступления с камер наблюдения.

– Не могу поверить, что это ты, – сказала Стефани, отводя взгляд от экрана.

– Камера прибавляет пять кило, – не растерялся я.

– Дуг, – проговорила она печально, и я видел, что она более чем когда бы то ни было раскаивается в том, что несколько недель назад переспала со мной после ужина с клиентами. В постели она была в туфлях на каблуках и приказала мне отшлепать ее, а потом по-ковбойски скакала на мне верхом. Утром до завтрака Стефани пережила все пять стадий тоски и заставила меня поклясться, что я никогда никому не скажу. А потом, раз уж все равно ничего не изменить, мы еще раз занялись сексом – чтобы скрепить наш пакт.

– Ты знаешь, что мне придется тебя уволить, – продолжила Стефани.

Я испытал что-то вроде облегчения, потому что мой план спереть ксерокс грозил обернуться ночным кошмаром с точки зрения логистики.

Мне пришлось все вернуть, но сначала я сфотографировал кабинку, которую в таких муках воссоздал у себя в гостиной. Потом я написал об этом короткую смешную статейку и продал ее в “М Мэгэзин” – так я начал писать в журналы. У меня появился агент – энергичный хвастливый коротышка по имени Кайл Эванс. Он продавал мою писанину и в конце концов раздобыл мне работенку в “М”, где я вел довольно популярную колонку “Как общаться с кинозвездой” – небрежная и смешная болтовня обо всем, что хоть отдаленно пахло Голливудом. Пластические операции, болезни молодых актрис, вызванные неправильным питанием, актуальные тенденции нового урожая летних фильмов и программа телепередач на осень, краткие биографии подающих надежды режиссеров и актеров – ну, вы поняли. Как-то меня послали в Лос-Анджелес, чтобы написать о какой-то знаменитости, но, как я ни мечтал, мне так и не удалось переспать с кинозвездой, хотя, думается мне, пару раз дело было на мази.

Такое беззаботное существование меня полностью устраивало: я сам планировал день, зависал с приятелями, влюблялся, разлюблял и в целом ждал, когда же начнется жизнь. Конечно, иногда мне бывало одиноко, как бывает одиноко солнечным воскресным днем, но пока я не встретил Хейли, я просто не представлял, чего мне не хватает.

Рок. Судьба. Господь Бог.

Брехня все это.

Людям хочется, чтобы их жизнь имела какой-то смысл, хочется сидеть, развалившись в креслах, словно космические детективы, которые ведут расследование по делу о том, что с ними происходило до сих пор, определять переломные моменты, повлиявшие на формирование личности, и задним числом окутывать их аурой мистики. Как будто небесные силы – это команда писателей в многосерийном телесериале чьей-то жизни, и они обязаны выдумывать запутанные сюжетные линии, которые должны разрешиться к концу сезона. Никому не хочется

верить, что все абсолютно случайно, а наша жизнь – не что иное, как сложная последовательность происшествий, маленький ядерный гриб, и все мы живем под радиоактивным дождем.

Насколько я могу предположить, таковы были случайности, из которых складывалась моя жизнь. Если бы Хейли не вышла за Джима, он никогда бы не изменил ей со своей бывшей девушкой Энджи. Если бы Джим не забыл о том, что в детской в подвальном этаже установлена камера наблюдения за ребенком, он никогда бы не попался во время секса. А так как камеру установил сам Джим, большинство психотерапевтов усмотрит в этом неопровержимое доказательство того, что он хотел, чтобы его поймали, но они так скажут только потому, что в психологии нет общепринятого термина для мудаков. Если бы Хейли не развелась с Джимом, несколько лет спустя она не спряталась бы в ничейном, по ее мнению, кабинете, чтобы пролить несколько скупых слез матери-одиночки. В кабинет и правда практически никто не заглядывал. Это был мой кабинет. И если бы я не решил именно в этот день появиться на работе, я бы никогда не обнаружил ее там. Если бы я встретил ее в любое другое время и при других обстоятельствах, она никогда бы в меня не влюбилась. Такие женщины не влюбляются в таких, как я. Зная свои недостатки, я никогда бы не собрался с духом пригласить ее на свидание. Но к этому моменту случайности набрали скорость, как ураган, проносящийся по центральной территории страны, и нас, словно пару пасущихся коров, просто закрутило в вихре.

В то утро я вошел в свой тесный кабинет в “М Мэгэзин”, а за моим столом сидела и плакала Хейли. “О”, – сказал я то, что обычно говорят, обнаружив у себя за столом прекрасную незнакомку в слезах.

Она подняла на меня полные слез глаза, высморкалась в скомканный платок и спросила:

– Не могли бы вы вернуться через несколько минут?

Хейли была заместителем директора отдела рекламы, я – редактором и ведущим рубрики, а это значит, что наши пути редко пересекались. Но я знал, кто она, и даже успел слегка и ненадолго ею увлечься. Все-таки она была красавица, старше меня, и занимала в компании руководящую должность. Но сейчас она рыдала за моим столом, а ничто так не действует на внутреннего белого рыцаря, как вид плачущей женщины. Поэтому я вышел из кабинета и закрыл дверь, чтобы дать ей побыть одной и не пустить потенциальных соперников – других белых рыцарей; я не был готов к поединку. Я немного прошелся, а на обратном пути купил два кофе. Я не пью кофе, но, как сказала мне однажды старая подруга, иногда нужно притвориться на благо человечества. Когда я вернулся, Хейли красилась. “Вот”, – произнес я, поставил перед ней чашку кофе и прислонился к стене.

Она улыбнулась мне сквозь последние слезы, она была расстроена, встревожена и казалась не такой уж неуязвимой – а это все, что нужно с красавицей: легкая трещинка в ее броне, которая дает мужество подкатить с ухаживаниями. В противном случае слоняешься вокруг, словно пожиратель падали, и смотришь, как к ней приближаются другие хищники.

– Спасибо, – проговорила она признательно и сделала глубокий глоток. – Кто вы?

– Я Дуг, – ответил я. – Это мой кабинет.

– Хейли.

Мы через стол пожали друг другу руки. Ее ладонь была маленькой и мягкой, на обкусанных ногтях не было лака.

– Простите меня за вторжение. Мне сегодня утром что-то не везет.

Я махнул рукой.

– Жаль, я не знал, что вы придете. Я бы купил пончиков. И носовых платков.

Она ухмыльнулась.

– Вообще-то это на меня не похоже.

– Вы не виноваты. Я всегда так действую на женщин.

Ухмылка превратилась в полноценную улыбку. У нее была потрясающая улыбка – теплая, невероятно трогательная, увидев ее, я ощутил приятное покалывание в паху. Женщины вроде Хейли никогда мне так не улыбались. Они обычно одаривали меня вежливой мимолетной улыбкой, похожей на аварийный сигнал, который как бы говорил: “Едем дальше, здесь не на что смотреть”. Но Хейли сказала:

– Я не хочу возвращаться к себе в кабинет.

– Так оставайтесь здесь, – предложил я.

– Но я не хочу мешать вам работать.

– Знай вы меня получше, вы бы поняли, насколько это смешно.

Она задумчиво посмотрела на меня. У нее были длинные светлые волосы медового оттенка, кожа, словно светящаяся изнутри, и темно-карие миндалевидные глаза. Разговаривая, Хейли широко раскрывала глаза и красиво прищуривалась, когда улыбалась.

– У меня сегодня день рождения, – сообщила она.

– Поздравляю.

– Спасибо.

– Дни рождения – это нелегко.

– И не говорите.

– Сколько вам лет?

– Тридцать шесть. Я в разводе. И еще я мать двенадцатилетнего трудного подростка.

– Вам столько лет, на сколько вы себя чувствуете.

– Тогда мне полтинник.

– Для полтинника вы выглядите потрясающе.

Она улыбнулась.

– Все оказалось не так, как я думала, понимаете?

– В тридцать шесть лет?

– В жизни.

– А, в жизни, – произнес я так, как это мог произнести кто-то мудрее меня. – Не будем об этом.

Она ухмыльнулась.

– Сколько вам лет?

– Двадцать пять. Но чувствую я себя на двенадцать.

Она фыркнула от смеха, но мне это все равно понравилось, и я не прерывал ее, а потом она начала рассказывать мне о разводе, о своем проблемном сыне и неудачах с мужчинами. Ей было тридцать шесть лет, она развелась с мужем и в одиночку воспитывала ребенка. Мне было двадцать пять, и я все еще ждал, что в моей жизни что-то произойдет. Мы жили в параллельных мирах, но внезапно очутились вместе на нейтральной территории моего кабинета. Дело не в том, что она была слишком взрослой для меня: она была слишком красивой, слишком печальной, слишком мудрой и, в общем, слишком искушенной для такого, как я. Но что-то произошло, какой-то сбой во вселенской гармонии, и мы смогли приподнять завесу, разделявшую наши миры, мы болтали и смеялись, Хейли была мила, остроумна, ранима и чертовски прекрасна – за такую красоту не жалко и голову сложить.

– Послушайте, – произнес я спустя некоторое время. – Мы можем просидеть так весь день, но ведь сегодня день вашего рождения, а в моей семье день рождения значит одно, и только одно.

– И что же? – поинтересовалась она.

– “Большое Приключение”[13].

– Как? Парк с аттракционами?

[13] Парк аттракционов в Джексоне, штат Нью-Джерси.

– Вот видите, вы тоже об этом слышали.

– Но мы на работе.

– Не знаю, как вас, а меня никто не хватится.

– Мы не можем вот так просто уйти с работы и отправиться в парк.

– В обычной ситуации я бы с вами согласился. Или сделал бы вид, что согласился, чтобы выглядеть ответственным. Но сегодня же ваш день рождения. У меня связаны руки.

– В половине одиннадцатого у меня совещание по бюджету.

– Прогуляйте его. Я никогда не видел никого, кому нужно было бы прокатиться на "Нитро" сильнее, чем вам.

Хейли почти минуту смотрела на меня – в смысле буквально разглядывала, словно изучала карту.

– Я вас старше на одиннадцать лет.

– Ну, если бы мне было тринадцать, это было бы странно.

Она посерьезнела.

– Но почему?

– Потому что, чем больше мы общаемся, тем больше вы мне нравитесь. Потому что вы так красивы, то становится больно, если на вас долго смотреть. Я уверен, вас часто приглашают на свидания мужчины постарше и посимпатичнее меня, но они приглашают вас, потому что вы прекрасно выглядите, и это здорово, в смысле надо же как-то начинать, но видите ли, именно поэтому я в обычной ситуации не пригласил бы вас на свидание, а раз я сделал это, то лишь потому, что мы все это прошли. – Я глубоко вздохнул. – И потому, что я думаю, что и правда вам понравлюсь, если вы дадите мне шанс.

Она покраснела и не улыбнулась (на что я так надеялся), но и не отвернулась. Она не отвернулась.

– Вы всегда так откровенны?

Я кивнул.

– Почти никогда.

– Это тоже откровенно.

– Я знаю. В этом хитрость.

– Ничего личного, Дуг. Просто мне не везло с мужчинами.

– Потому что вы не знаете секрет.

– Какой секрет?

– Нас надо воспитывать смолоду.

И на этот раз ее лицо, как солнечный луч, озарила улыбка – словно косой луч солнца, который пронзает облака и заставляет задуматься о Боге. Так что мы поехали на ее машине в "Большое Приключение", катались на "Нитро", "Великом американском визголете", "Бэтменских горках" и "Космическом корабле", я купил ей пирожок и бенгальский огонь, спел "С днем рожденья" на чертовом колесе, а на самом верху она меня поцеловала. Иногда это все, что нужно: ни прозрений, ни откровений – только пирожок на чертовом колесе и один-единственный волшебный, сумасшедший день, которого не должно было быть, но который был. Думаю, это была судьба. Рок. Но я подумал об этом только потому, что влюбился, а лучшего объяснения не нашел.

Я еще не знал, что бывает и просто случай.

Глава 9

Клэр заявилась разодетая в пух и прах: на ней солнечные очки от “Гуччи” и джинсы за триста долларов. Лейни ушла всего несколько часов назад, и я только-только очнулся от короткого посткоитального забытья. Я сижу на крыльце и ем хлопья “Кэп-н-Кранч” прямо из коробки, пока не начинает ломить зубы. Каким бы ни был секс – хорошим или неудачным, супружеским или на стороне, проснувшись, я всегда хочу жрать. Клэр стремительно проезжает по подъездной дорожке, так что кролики в панике бросаются врассыпную, и очень резко тормозит; я слышу визг тормозов, но ей как-то удается не сломать шею. Клэр водит машину так же, как живет – одинаково азартно, нетерпеливо и неумело.

– Дуг, какого хрена! – кричит она, поднимаясь на крыльцо с таким видом, будто дом принадлежит ей. Я не принимаю этого на свой счет. Клэр всегда такая. Она командовала, даже когда мы были у мамы в животе. Клэр на две минуты старше меня; она живое доказательство того, что наша ДНК ярче воплотилась в женской половине семьи: густая грива темных волос, блестящих, как в рекламе шампуня, безупречная смуглая кожа, глаза цвета вечернего неба и многозначительная кривая ухмылка, которая, если нужно, без труда превращается в ослепительную широкую улыбку. Мать хотела, чтобы Клэр снималась в кино, и поэтому, разумеется, Клэр вряд ли когда этого захочется. У меня такие же волосы, кожа и глаза, но все это выглядит так, будто было подобрано случайно, как попало, словно резиновые детали лица Мистера Картофельная Голова[14], которые никогда толком не складываются в единое целое. Клэр говорит, что у нее есть ум и красота, а у меня – запчасти на случай, если что-то выйдет из строя.

– Я целый день пытаюсь тебе дозвониться! – орет она. – Какого хрена ты не подходишь к телефону?

– Я запустил им в дерево.

Она взглянула на меня.

– Я ее знаю?

– Это была мама.

Клэр кивает.

– В следующий раз просто скажи ей, что тебе еще кто-то звонит, и повесь трубку. У меня это срабатывает.

– Постараюсь запомнить.

– Я звонила и на городской.

– Ну да. Я никогда к нему не подхожу.

– Не свисти, Дуг, – она смотрит на меня суровым взглядом. – Ты не имеешь права запираться от меня – после того, что произошло.

– Ради всего святого, ты когда-нибудь забудешь об этом?

– Ты пытался покончить с собой.

– Я просто заснул в ванной.

– У тебя был передоз.

– Обычное снотворное. Я просто немного переборщил.

– Типа того, что полпузырька – слишком много.

– Забудь об этом, Клэр. Ты хуже мамы. Вы выдумали, что я пытался покончить с собой. Вовсе нет. Поверь мне. Я-то знаю.

– Может, ты и знаешь, но ты не видел, как копы выламывают входную дверь и вытаскивают тебя из ванны. Тебе было не до этого – у тебя остановилось сердце.

– Хватит, Клэр.

---

[14] Пластиковая игрушка в виде картофелины, к которой прилагаются разные глаза, носы, рты и уши.

– Черт подери, ты был синий!

– Несчастный случай.

Она отворачивается и растроенно качает головой. Если честно, я даже не помню тот вечер. В моей голове боролись выпивка и снотворное, и проснулся я в больнице, испытывая беспричинное чувство радости: я был даже не в силах вспомнить, какой сейчас месяц.

– Остановимся на том, что каждый остается при своем, – произносит Клэр, завершая наш спор. Сменить тон ей так же легко, как снять шляпу.

– Я куплю новый телефон, – заявляю я. Это самая большая уступка, на которую я готов пойти.

– Я тебя опередила, братишка, – Клэр лезет в сумку и бросает мне разноцветную коробку. – В нем есть камера, он показывает кино и чего только не делает – наверно, даже забирает вещи из химчистки. И я не отстану, пока ты его не включишь.

– Спасибо.

– И не швыряйся им. Он стоит почти пять сотен.

– Договорились.

Сделав дело, Клэр наклоняется и целует меня в щеку.

– Что новенького в приюте скорби?

– Да все по-старому.

– Твоя последняя статья заставила меня плакать.

– Прости.

– Нет. Здорово написано. Мама прилепила ее на холодильник.

Наша мать держалась того строгого принципа, что на стальную дверь нашего холодильника “Сабзеро” вывешиваются только работы на “пять с плюсом”. Когда мы учились в школе, работы Клэр и Дебби всегда висели на двери холодильника; мои же контрольные, кроме первых диктантов, написанных на “отлично”, там никогда не появлялись.

Думаю, тебе можно поставить пятерку за грусть и одиночество.

– В этом я отличник.

Клэр нежно улыбается и хватает меня за волосы, чтобы посмотреть мне в глаза. В уголках ее глаз я замечаю мелкие морщинки, раньше их не было. Тех, кого любишь, видишь такими, какими ты их запомнил, но изредка смотришь на них отстраненно, и в эти считаные секунды, пока мозг изо всех сил пытается приспособиться к новой действительности, что-то в тебе сворачивает с дороги и, вереща, кубарем катится с обрыва.

– Мы стареем, – замечаю я.

– Пошел ты на хрен. Только не я! – Глаза Клэр превращаются в щелочки. – Эй, – произносит она. – Ты выглядишь так, будто недавно трахался.

– Что?

– Наша близнецовая телепатия подсказывает мне, что ты таки натянул крошку с мясным рулетом.

– Между нами нет никакой телепатии близнецов.

– Ну конечно, есть, просто она незаметна, как… прозрачный лак для ногтей.

Я ухмыляюсь.

– Как… центральная система кондиционирования.

– Как… пузырьки белого вина.

– Как… австралийский акцент Мэла Гибсона в “Смертельном оружии”.

Клэр смеется и наклоняется ко мне, так что мы оказываемся лицом к лицу, она пристально смотрит мне в глаза, пока я не отворачиваюсь. Она единственная, кому я могу сейчас смотреть в глаза, но все равно за все двадцать девять лет мне ни разу не удалось ее пересмотреть.

– Ни хрена себе, ты и правда ее трахнул! – радостно кричит Клэр. – Неудивительно, что я не могла тебе дозвониться. Ты натягивал озабоченную домохозяйку!

– Хватит, а? – прошу я, оглядываясь по сторонам.

Но Клэр веселится вовсю:

– Дуги, ты бабник!

Я откидываюсь на спинку качелей и отрицательно мотаю головой.

– И на чем я прокололся?

– Элементарно, братишка, – поясняет она, садясь рядом со мной. – У тебя на ухе губная помада, футболка надета наизнанку, волосы всклокочены – классический случай!

– Да ладно, – говорю я с сомнением. – Я всегда так выгляжу.

– Ну хорошо. Тогда вспомни о телепатии близнецов.

Она берет несколько хлопьев “Кэп-н-Кранч” из моей коробки и засовывает в рот.

– Ты и красотка с мясным рулетом, – говорит Клэр и смеется. – Вот умора!

– Обхохочешься.

Ее смех затихает. Клэр кладет мне голову на плечо, а это значит, что ей нужно мне что-то сказать. Она всегда так поступает, когда у нее проблемы, и за эти годы ее голова продавила у меня на плече ямку – как вода, которая сотню лет капает на камень. Я каждый раз представляю, что вот так мы с ней, должно быть, лежали в утробе; в трудные моменты мы снова, как два эмбриона, сворачиваемся калачиком.

– Молодец, – мягко произносит Клэр, поглаживая мою ладонь большим и указательным пальцами. – Я думаю, это прогресс.

– Это адюльтер.

– Ты не женат.

– Но она замужем.

– У тебя что, своих проблем мало, что ты еще и о ней беспокоишься?

Клэр лизнула палец и вытерла что-то с моей щеки – должно быть, помаду Лейни.

– Это и моя проблема.

– А вот и нет. Твоя проблема в том, что после смерти Хейли ты перестал жить. Пробуждение полового влечения – первый добрый знак за долгое время. Это не проблема, а повод для праздника – вот что это такое. Мне не терпится рассказать об этом маме.

Я смеюсь, но потом быстро спрашиваю:

– Ты ведь шутишь, правда?

С Клэр если и можно быть в чем-то уверенным, то лишь в том, что с ней ни в чем нельзя быть уверенным.

– Посмотрим на твое поведение, – отвечает она, пожимая плечами. – И как это было?

– Не знаю. Кажется, я до сих пор в шоке.

– Дуги, Дуги, Дуги. Когда же ты научишься отключать верхнюю головку, чтобы она не мешала нижней? – она вздыхает. – Иногда мне жаль, что я не мальчик.

– Иногда мне кажется, что так оно и есть.

– Подходящая мысль, чтобы сменить тему.

– И о чем ты хочешь поговорить?

– Я беременна.

От этой новости мои глаза округляются.

– Здорово, Клэр. Поздравляю.

Она кивает, не убирая головы с моего плеча.

– Спасибо.

Она молчит, но я чувствую, что мускулы под ее кожей напрягаются, словно пружины, а дыхание становится частым и прерывистым. Мы сидим так несколько минут, глядя на двор. В тени изгороди серый кролик объедает траву. Так далеко я не докину.

– Есть еще кое-что, – предполагаю я.

– Угу.

На минуту я задумываюсь.

– Стивен.

Она поднимает на меня глаза и улыбается, хотя в уголке ее глаза набухает одинокая слезинка и стекает по переносице.

– А ты говорил, что мы не телепаты.

Она встает, тем самым прекращая разговор, и направляется к входной двери.

– У тебя есть что поесть? Я умираю от голода.

Я поднимаюсь и иду за ней. И тут краем глаза я замечаю, что серый кролик подобрался к крыльцу на расстояние броска. “Привет, Багс”, – шепчу я и протягиваю руку к кучке камней, одним глазом следя за кроликом. Камень летит слишком высоко, пролетает примерно в полуметре над головой Багса и, подскочив, беззвучно падает на лужайку перед кроликом. Тот поднимает глаза, и его тупой, спокойный взгляд приводит меня в ярость. Я делаю вид, что с топотом спускаюсь по ступенькам. Это заставляет его сдвинуться с места, он улепетывает на край лужайки, останавливается у изгороди и глядит на меня с состраданием. У меня кончились камни, поэтому я бегу к нему, размахивая руками и издавая леденящие душу вопли. Кролик убегает в кусты. Когда я возвращаюсь, Клэр стоит в дверях и странно на меня смотрит.

– Мне нравится держать их в напряжении, – поясняю я смущенно, поднимаясь по ступенькам.

– Братишка, – заявляет Клэр, обнимая меня за плечи, когда мы заходим в дом. – Тебе и правда надо чаще выбираться из дому.

– Так что произошло?

– Долгая история.

– Ты говорила, что не торопишься.

– Я не могу рассказывать на пустой желудок.

Я иду за ней на кухню.

– Ты ему наставила рога?

– Мило. Прелюбодеи предпочитают общество себе подобных, так, что ли?

– Значит, он тебе изменил?

– Если бы.

– Так что случилось?

– Почему магниты валяются на полу? – спрашивает Клэр, подходя к холодильнику. – О, черт. Я не хочу этого знать.

– Клэр, ради бога! Просто расскажи мне, что случилось.

Она открывает холодильник и нагибается, с шумом переставляет банки, поднимает крышки пластиковых судков и нюхает их содержимое.

– Боже мой, – говорит Клэр, и ее голос эхом отражается от стенок почти пустого холодильника. – Ты вообще хоть что-нибудь ешь?

– Я заказываю еду на дом.

Она захлопывает дверь холодильника.

– Я не могу ждать. Поехали куда-нибудь, поедим.

– Сначала расскажи мне, что произошло.

Она смотрит на меня и, как будто внезапно ослабев, слегка прислоняется к холодильнику.

– Ничего не произошло. Никогда ничего не происходит. И не произойдет. И это, – договаривает Клэр, сползая на пол и обхватывая руками голову, – все, что произошло.

Я сажусь на пол около нее.

– Ты не думала о том, чтобы обратиться за консультацией к специалисту?

Она смерила меня взглядом.

– Я не хочу, чтобы какой-нибудь стерилизованный фрейдист-извращенец в галстуке-бабочке рассказывал мне, что не стоило выходить за Стива. Ты и так все эти годы твердишь об этом. Помнится, ты довольно красноречиво изложил свои доводы еще на свадьбе.

– Я был пьян.

– Ты ревновал.

– Ну, разве что чуть-чуть.

– Но ты был прав. И я это понимала. Даже когда шла к алтарю. Помню, как я размышляла: что же будет с видеозаписью, со свадебными фотографиями, когда все кончится? Нормально, да? Удивительно не то, что я от него ухожу, а то, сколько я с ним прожила. Я всегда собиралась от него уйти, просто все не могла собраться.

– Почему?

Она хмурится и, сдаваясь, поднимает руки.

– Когда живешь богато, с комфортом, начинаешь придумывать все эти формулы и строить графики, пытаясь доказать самой себе, что ты даже не догадываешься, насколько счастливо тебе живется, – она пожимает плечами. – Я заснула на посту.

– Так почему же именно теперь?

– Ну, после смерти Хейли я взглянула на все другими глазами. Я про то, что ты был в жутком состоянии – как и сейчас, кстати, – а я думала, как ты сидишь тут один, убитый горем, и не хочешь ни с кем общаться, это ведь все просто ужасно, но я, вместо того чтобы жалеть тебя, завидовала тебе. Ты был несчастен и одинок, а я, черт подери, тебе завидовала. Ведь в скорби есть своя прелесть, правда? Ты скорбишь, но спустя некоторое время из траурного кокона появляется прекрасная бабочка. И мне пришлось спросить себя: если я завидую своему несчастному овдовевшему брату, то что это значит?

– Что у тебя серьезные проблемы?

– Что я еще несчастнее, чем он, просто сама этого не понимаю.

– А теперь понимаешь?

– Теперь понимаю.

– Послушай, Клэр, я понимаю, что со стороны это выглядит шикарно: потерять в авиакатастрофе жену и каждую ночь напиваться в стельку, чтобы заснуть. Но между нами, это вовсе не смешно.

Она толкает меня в бок.

– Ты понял, о чем я.

– Не уверен. Давай о том, как ты забеременела.

Она тихонько смеется и откидывается назад, прислоняясь затылком к холодильнику.

– Штука в том, что мы уже почти не занимаемся сексом. То, что такая блядь, как я, так и не изменила мужу, не иначе как чудо. Был всего один-единственный, просто аномальный, вечер, когда у нас обоих не было поздних встреч, важных звонков, а по телевизору не показывали ничего интересного. Нам обоим было скучно, и мы занялись сексом. Тогда-то все и произошло – или я не знаю, что и думать. Ничего особенного, поверь. В смысле, я об этом забыла сразу же, как только все кончилось. Но потом, несколько недель спустя, у меня была задержка, я купила тест на беременность, и представь себе мое удивление…

– Ты уверена, что тест не наврал?

– Я проверила пять раз.

– Ладно.

– Итак, я сидела в ванной, отмывала руки от мочи, и тут меня осенило: я стану матерью – и больше уже не стану никем. Миссис Стивен Айвз, еще одна богатая скучающая домохозяйка, унылое клише. Я не хочу стать Лейни Поттер, не хочу трахаться с другими мужиками, чтобы на несколько часов снова почувствовать, что живу.

– Спасибо.

– Не обижайся.

– Я и не думал.

– Я решила, что, может быть, ты разрешишь мне пожить здесь какое-то время.

– Конечно. Комната для гостей в твоем распоряжении.

Холодильник за нашими спинами слегка вибрирует, а мы сидим на полу кухни и тихонько разговариваем. За окном, словно шторы, опускаются сумерки. Я слышу, как в палисаднике по соседству играют дети, кричат и смеются, занятые своими важными детскими делами; они юны и наивны, их не била жизнь, и они думают, что так будет всегда. Когда мы были маленькими, Клэр всякий раз, как я грустил, надевала белый халат повара и готовила смешное мороженое, которое мы потом через силу доедали. Банановый сплит с шоколадным сиропом, “Джелло” с жевательными мишками-гамми, пломбир с горячим сиропом из сливочной помадки, плавающий в шипучке, приправленной мускатным маслом, рожок на четыре порции с зефиром между шариками мороженого. Было очень смешно наблюдать, как Клэр мечется по кухне, наобум смешивая ингредиенты и комментируя весь процесс голосом Джулии Чайлд[15].

– Помнишь смешное мороженое? – спрашиваю я.

Клэр кладет мне голову на плечо, утыкается лицом мне в шею и тихо плачет.

[15] Популярная в Америке ведущая кулинарных телепрограмм.

Глава 10
Как общаться с вдовцом
Дуг Паркер

Теперь я практически не выхожу из дома – из-за обнаружившейся у меня растущей склонности к откровенным, спонтанным вспышкам неприкрытого, неподдельного страдания (эмоциональный синдром Туретта[16]), а еще потому, что я терпеть не могу, когда меня жалеет кто-то, кроме меня самого.

Единственный недостаток такого образа жизни в том, что мой дом – это минное поле, и я не могу предугадать, когда наступлю на скрытое до поры воспоминание о Хейли и мне оторвет ноги. Даже спустя все это время она до сих пор здесь. На ее тумбочке все еще лежит последняя книга, которую она читала, – какое-то дамское чтиво в розовой, как губная помада, обложке: роман об умничающих житрожопых толстухах и мужиках, которые им изменяют. Я беру книгу в руки и вижу, что на последней прочитанной странице Хейли нарисовала пучеглазого смешного человечка с длинными, подкрученными вверх усами и зловещими густыми бровями. Я улыбаюсь и чувствую, что по щекам у меня текут слезы.

У меня была жена. Ее звали Хейли. Ее больше нет. Как и меня.

В ванной на ручке двери до сих пор висит ее красный лифчик. Она явно намеревалась бросить его в корзину с грязным бельем, но так и не собралась. Этому она научилась у меня – дать обычной работе по дому настояться, не делать ничего, пока не придет время.

Я слоняюсь по нашей спальне, словно привидение, изо всех сил стараясь не потревожить случайные доказательства ее существования – книгу, лифчик, расческу с клочками светлых волос, духи и косметику, разбросанные у раковины, след от запотевшего стакана с водой, который она поставила на туалетный столик, шелковую блузку, висящую на стуле рядом с ее половиной кровати (она в последний момент решила не брать эту блузку с собой), потертого мягкого слоника по кличке Базука, которого Хейли с раннего детства засовывала между подушкой и изголовьем кровати. Когда она умерла, я какое-то время даже не менял постельное белье, потому что оно пахло ею. Потом оно перестало пахнуть ею, а спустя еще несколько недель нестерпимо завоняло. И это прекрасная метафора для скорби, как и тысячи других, которые приходят мне в голову каждый день. Если отчаянно хвататься за каждое воспоминание, то они изнашиваются и протухают, как белье на моей постели.

Но менять белье было все-таки больно – словно это был еще один способ оттеснить Хейли в прошлое, еще один шаг к неизбежному расставанию. Я не мог заставить себя прибрать в доме, потому что каждая мелочь, которую я убирал или чистил, – еще один след Хейли, который я сотру бесповоротно. Мне хочется расставить столбики и натянуть красные бархатные веревки, как в исторических особняках, чтобы туристы не растащили прошлое по винтику, потому что мы все такие – нам только дай.

Когда мы в седьмом классе ездили в Филадельфию, я на спор тихонько слинял по не огороженным веревками лестницам в доме Бенджамина Франклина. Я решил, что займу прочное место в истории, если помочусь в туалете старого Бена. Меня поймали и мгновенно выперли из особняка, так что остаток дня я был обречен просидеть в автобусе. Хотя водитель был что надо. Он купил мне гамбургеров в “Макдоналдсе” и дал полистать обширную коллекцию “Плейбоев”, которую держал в коробке под сиденьем. С тех пор колокол свободы навеки связан в

[16] *Синдром Туретта* – психическое расстройство, при котором больной выкрикивает нецензурные слова, допускает социально неуместные или оскорбительные высказывания.

моем сознании со сложенными бантиком губами и конусообразными, раскрашенными из пульверизатора грудями апрельской “девушки месяца”. Ее звали Жанель, она увлекалась скалолазанием и водными видами спорта, ей нравились мужчины, не боящиеся трудностей. В общем, я это к тому, что некоторые вещи нужно огораживать веревкой.

Но как бы ни был плох наш дом, я редко его покидаю. Потому что боль – моя последняя связь с Хейли. Я кутаюсь в свою боль, словно в одеяло – как мазохист, как девочка-подросток, бритвой вырезающая неровные строчки на внутренней поверхности бедра: я причиняю себе боль просто потому, что хочу хоть что-то чувствовать. Я не готов к тому, чтобы время исцелило мою рану, но понимаю, что бессилен его остановить. И понимание этого заставляет меня все упорнее цепляться за боль, хвататься за эту трагедию, пока она не утратила свежести. Так что время от времени я, как собака, расчесываю болячки, отчаянно пытаясь выжать хоть несколько капель крови из открытых ран, но все равно знаю, что в один прекрасный день сковырну болячку, а под ней не окажется крови – только новая нежно-розовая кожица. Когда это наконец случится, когда время неизбежно возьмет свое, я пойму, что Хейли ушла навсегда.

И я знаю, что когда-нибудь встречу кого-то еще. Она будет умной, красивой и по-своему несчастной, мы поймем и полюбим друг друга, и будем испытывать чувство вины за свое счастье, и я стану немножко портить наши отношения, когда все будет уж слишком хорошо. Она будет терпелива со мной, а когда я стану совсем невыносим, мы будем бурно ссориться, чтобы отвести душу, а потом, наверно, в слезах предъявим друг другу ультиматум и заключим перемирие. Я все еще буду чувствовать себя виноватым, но постепенно это пройдет, и со временем образ Хейли будет расплываться, уходить все дальше в прошлое, пока она не станет всего лишь сноской в истории моей жизни. Однажды я, постаревший, расскажу своим детям, что когда-то был женат, еще до того, как встретил их маму, но та женщина умерла. Для них Хейли будет уже не человеком, а мелкой неосязаемой отметкой в биографии, печальным происшествием, которое случилось с их отцом на пути к счастливому будущему. И, что даже хуже, быть может, я сам буду так к этому относиться.

И не надо мне рассказывать, что так оно и будет, что это неизбежно. Я не обманываю себя. Но если это и правда, сегодня я не готов взглянуть ей в глаза. Иногда единственная правда, которую люди могут вынести, – та, с которой они проснулись утром. А сегодня утром я, как всегда, проснулся с болью. Поэтому, пожалуйста, не лезьте в это.

Глава 11

от кого: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com
кому: Doug.Parker@mmag.com
дата: 13.09.2006, среда
тема: Как общаться с вдовцом

Ты звезда! Ребята из “М” говорят, что твоя последняя колонка побила рекорд по письмам читателей – рекорд, который она же и установила месяц назад. Я переслал тебе еще один мешок писем, которые ты не станешь читать. Журнал пересылает запросы от лент новостей и ток-шоу, жаждущих взять у тебя интервью. Я веду переговоры о продаже материала в наши и зарубежные СМИ. Звонили с Эн-би-си, о тебе хотят рассказать в одной из рубрик программы “Сегодня”. Если все будет по-моему, то у тебя будет брать интервью Мэтт Лауэр. Он серьезный ведущий, а не просто диктор. А еще забрасывали крючок люди Опры[17] (!!!). А еще, и это важно, я говорил с людьми из издательств; несколько крупных издательских домов очень интересуются. Дело пахнет мемуарами! Тебе нужно лишь написать заявку. Мы так этого ждали! Нам надо поговорить. Я звонил тебе несколько раз и оставил примерно тридцать сообщений на автоответчике. Что происходит? Электронная почта – это варварство.

К

от кого: Doug.Parker@mmag.com
кому: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com
дата: 13.09.2006, среда
тема: Спасибо, не надо

Извини, что так получилось с телефоном, Кайл.

Технические проблемы. Мне неохота общаться с Мэттом Лауэром и Опрой. Я рад, что колонка пользуется успехом, но я тебе уже говорил, что мне не хочется стать мальчиком с плаката для юных вдовцов.

[17] Опра Уинфри, популярная американская ведущая и актриса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.